

Окрылённые
резотой

2013

A black and white photograph of a landscape. In the foreground, a river flows through a field of tall reeds. On the right side, there is a large, dense tree. The background shows a flat landscape under a sky with large, dramatic clouds. The overall mood is serene and natural.

Сборник стихов

*Окрылённые
рифмой*

Безецк 2013

ББК 63.3 (2Рос-4Тв)
М 69

ISBN 978-5-903791-18-7
978-5-903791-27-9

Историко-краеведческий альманах
«БЕЖЕЦКИЙ КРАЙ» Выпуск №7
2012. – 144 стр., 33 ил.

Учредитель и главный редактор В.В. Козырев
E-mail: bezhkray@yandex.ru

Историко-краеведческий альманах
«Бежецкий край»

МУК «Бежецкая межпоселенческая
центральная районная библиотека
им. В.Я. Шишкова»

Фотообложка и титул:
Андрей Крохмалюк

© Альманах «Бежецкий край», 2013
© Издательство «Ванчакова линия», 2013
© Типография ИП Шатин Е.Е., 2013

«Рука дающего да не оскудевает!»

Понятие «бизнес» большинством жителей нашей страны сегодня воспринимается спокойно. Изменился государственный строй, и незаметно мы приняли законы «загнивающего» капитализма как само собой разумеющееся. Принять-то приняли, но всё же отголоски недавнего «всеобщего равенства» заставляют многих россиян придавать слову «предприниматель» негативный окрас.

В русском языке есть другое слово, возможно, не такое емкое, но, несомненно, более солидное, — это «купец». Для бежечан оно хорошо известно, ведь многое из того, чем мы можем гордиться, является наследием бежецкого купечества. Это школы и богадельни, больницы и храмы, построенные на их средства.

Честность, трудолюбие, справедливость, порядочность, милосердие и благотворительность — вот понятия, стоящие за словом «купец». И хорошо, что сегодня есть горожане, которых можно так называть.

Уверен, что именно таким должен быть современный предприниматель — успешным, активно участвующим в жизни своего города и чутким к людским проблемам. Такое наследие досталось нам от бежецких купцов.

Сегодня возрождается благотворительность бежецкого купечества путем финансовой помощи в издании историко-краеведческого альманаха «Бежецкий край». Это, в первую очередь, нужно нашим детям, чтобы они росли не «Иванами, не помнящими родства», а патриотами нашей малой Родины, зная и помня ее историю и культуру, чтобы, повзрослев, они с гордостью могли сказать: «Я — бежечанин!»

Выражаю свою благодарность за содействие, всемерную помощь и финансовую поддержку издания предпринимателям и частным лицам

Олегу Вячеславовичу Никонову

Олегу Леонидовичу Тянигину

Ивану Александровичу Мельникову

Николаю Ивановичу Колыгину

Александру Викторовичу Грачеву

Валентине Васильевне Колесниченко

Владимиру Глебовичу Жадькову (Малоярославец)

Евгению Александровичу Цветикову (Москва)

Владимиру Александровичу Чубарь (Москва)

«Окрыленные рифмой»

Кто звучной рифмой окрылен,
Нельзя тому молчать.
И темой кто заворужен,
Судьба одна — писать.

Действительно так. В этом сборнике представлены «окрыленные рифмой» бежечане. Это люди разных возрастов, разных пониманий жизни, люди, влюбленные в поэзию.

«Поэзия — есть постигнутая истина. Но эта истина облечена в тайну образов, которая проявляется в свой срок. Истинное поэтическое произведение, вырванное из глубины духа, может стать таким откровением, какого не достигнет строго размышляющая философия или наука. Между тем надо знать, что задача поэзии вполне аналогична задачам науки — свести разнообразные явления действительности к возможно меньшему числу обобщений».

Академик А.Л. Чижевский

Каждое стихотворение — это что-то личное для поэта, частица его души. Читая любое из них, помните: вы прикасаетесь к самому сокровенному, что есть у человека, а особенно у поэта, вы — на пороге человеческой души. Откройте дверь и будьте добрыми и вежливыми гостями и читателями.

Неописуем творческий порыв
Людей, узнавших боль, любовь и грезы
И получивших внутренний призыв
Писать стихи, забыв на время слезы.
Слова придут, их нужно только ждать,
Творцу не сложно описать ненастье.
Пройдут года, и сможем мы понять,
Что нам доступно собственное счастье.
Несложно выбрать тему, написать,
О чем поет герой и чем болеет.
Тогда легко удастся показать —
Любовь в душе читателей согреет.

Анатолий Линник
(Санкт-Петербург)

Редактор

Владимир Абдулов

Родился в Бежецке. В 1987 г. закончил СШ №4. Поступил в Ленинградский институт авиационного приборостроения. Работал в в/ч п. Дорохово авиационным техником, затем учителем физики, математики и ОБЖ. В настоящее время работает в компании ОАО «Ростелеком» в должности инженера ЛАЦ. Стихи и впоследствии песни пишет лет с 16. Увлекается авторской песней. Занимается рукопашным боем РуБОС. Руководитель военно-патриотического молодежного объединения «РуБОС-Бежецк».

Маленький дождь

Завтра с утра будет, видимо, маленький дождь,
Прозрачные капли ударят по веткам акаций,
И утренней свежестью старые улицы вновь
По ним, как всегда, не спеша, пригласят прогуляться.

Завтра с утра будет, видимо, маленький дождь,
А после него будет легче, свободней дышаться.
Кто-то возможно скептически бросит: «И что ж?»
Да новой улыбкой нам город начнет улыбаться.

Завтра с утра будет, видимо, маленький дождь,
Я забегу к тебе утром со свежим букетом,
Ты улыбнешься спросонья и в руки возьмешь
Эти цветы с тонким запахом теплого лета.

Завтра с утра будет, видимо, маленький дождь —
Прихотью лета, нехитрым погодным капризом,
Завтра с утра будет много событий, и всё ж
Всё остальное пускай остается сюрпризом...

Потомок

Я азиат, и у меня в крови
Простор и бесконечность вечной степи,
И полудикие степные табуны,
И, как они, такой же дикий ветер.

Я азиат, и за моей спиной
Вся мощь великих древних каганатов,
И конский хвост над Золотой Ордой
На бунчуке монгольского штандарта.

Я азиат, и в памяти моей
Законы Ясы — молнии раскаты —
И мудрость, заключенная меж строк,
Хайямовского рубайята.

Я русский, потому в моей душе
Шумят леса, раскачивая кроны,
И православных золотых церквей
Колокола поют тягучим звоном.

Я русский, что-то в голосе моем
От грохота лихой казачьей лавы,
От песни, спетой прямо под огнем,
В окопе под разбитую гитару.

Я русский, и я знаю, что за мной
Поля... Бородино и Куликово,
И блеск кольчуги древней и штыка
Того еще, трехгранного, стального.

Я человек, родившийся в стране,
Где Запад и Восток сплелись незримо,
Тугим узлом связались на крови,
На поясе слепого пилигрима.

Два мира и во мне, и надо мной
Века сплели в узоры аккуратно,
Я ветер, что гуляет над страной
Из Азии в Европу и обратно.

Ветеранам Великой войны

*Посвящается моему деду Юрию Викторовичу Репину, ветерану
Финской и Великой Отечественной войн, разведчику морской пехоты...*

Затерявшись в течении времени,
Не согнувшись под тяжестью лет,
Той далекой войны поколения
Сохранили свой главный секрет.
И, склонившись у вечного пламени,
Павшим сделав поклон до земли,
Оставляют нам бережно на руки
Мир, который когда-то спасли.

И уходят, судьбой удостоены
Вечной памяти в наших сердцах,
Воины, воины, воины,
Навсегда победившие страх.

Подарив фронтовой кинохронике
Свою молодость в грозные дни,
Шаг печатая сомкнутым строем,
Как когда-то проходят они.
Под салютными гулками залпами,
Пребывая в бою день за днем,
Навсегда остаются солдатами
Те, кто принял крещение огнем...

Вам спасение близких молитвами
Даровала лихая судьба,
Опаленных жестокими битвами,
Не щадили вас эти года.
Пусть богатый великими датами
Век ушел, как меж пальцев вода.
Эти майские дни сорок пятого
Главным праздником будут всегда.

Выйти из тени

С давнего времени мир человека
Делят добро и зло,
Только два цвета — черный и белый,
Оставшимся не повезло.
Мир наизнанку вывернет сила,
И новый начнется день
Для тех, кто однажды возьмет и сумеет
В полдень поднять свою тень.

А в сумраке все одинаково серы,
Неважно, каков твой цвет.
Будь ты хоть темный, будь ты хоть светлый —
В общем-то разницы нет.
Всё одинаково без исключений,
И только тому повезет,
Кто, даже не зная, что следует делать,
Сделает шаг вперед.

Время собьется и ритм позабудет,
Кровь разгоняя из вен.
Всего лишь игрушки — обычные люди
Для тех, кто прошел через тень.
На яркое солнце никто не заплачет,
И вы, преграждая мне путь,
Вряд ли поймете, что это значит:
Из тени на солнце взглянуть...

Мир, где стерты зыбкие грани,
Мир, где стерты края,
Нет направлений, нет расстояний.
Что же здесь делаю я?
Став абсолютно невидимой тенью,
По лезвию воли скользя,
В каждом себя узнаю я и знаю:
Каждый здесь ищет себя.

Аленушка

Есть девчонки симпатичнее, быть может,
Но с тобой они в сравнение не идут,
На красавицу из сказки ты похожа,
Потому тебя Аленушкой зовут.

В лунном свете глаз лукавых отраженье
И улыбка, всех сводящая с ума,
Образ сказочный создаст воображенье,
Только лучше всякой сказки ты сама.

Мне не нужно ни совета, ни подсказки,
Без тебя мне белый свет уже не мил.
Героиню старой доброй русской сказки
Я в глазах твоих, увидев, полюбил.

Что слова? Мы к ним бываем так небрежны!
Не прими, что я скажу тебе за лесть:
Сказки люди чтут за доброту с надеждой,
И в тебе они, конечно, тоже есть.

Жизнь — не сказка, в жизни всякое случается,
Только я тебя прошу: поверь мне в том,
Что Аленушкой ты для меня останешься,
Из прекрасной старой сказки волшебством.

Время уходит

Бумажный кораблик
Вниз по течению уносится быстро.
Что было — не важно,
А в том, что будет, не так много смысла.
Детские игры —
Когда-то, казалось, сушая малость,
Но вот по соседству
Из детства друзей почти не осталось.

Время уходит,
Не обернувшись хоть раз на прощанье.
Время уходит,
Не обещая исполнить желанья.
Время уходит,
Галопом несется, следы замата.
Время уходит,
Лишь память порой о себе оставляя.

Ладони любимой
Дарили тепло в любые морозы.
Казалось стихами
То, что шептали обычною прозой.
Первых свиданий
Трепет уже никогда не сотрется.
Сердце напомнит,
И всё обязательно снова вернется.

Катятся камни.
Мы их на вершину тащим обратно.
Выйдет? Не выйдет?
Кто-то удачнее нас, вероятно...
Кто на вершине,
Кто под обвалом, но не сдается.
И если всё плохо,
То хочется верить, что всё обойдется.

Солнце садится.
У дочки в глазах отражаются звезды.
Время не смеет
Назад повернуться, но всё же не поздно.
Не поздно поверить,
Что счастье всё время прячется рядом.
Время уходит,
Только другого уже и не надо.

Артем Беляев

Родился в 1987 году в Бежецке. Имеет высшее техническое образование. Ныне проживает в Санкт-Петербурге. Выступает на площадках и печатается в различных изданиях города.

«С тобой быть рядом...»

С тобой быть рядом,
Когда не в силах
потоки яда
оставить.
Мне не увидеть
своей могилы,
когда погибель
весь мир сулит.

В тебя, как в небо,
с открытым взором.
Со мной лишь вера —
всё будет так:
предстанет ангел
в десятом ранге,
и всё расставится
по местам.

Главное

ведь главное — это когда все вместе?
пусть за окном даже не будет солнца
весной,

когда прилетят грачи?

скорее — да.

и, возможно, прошлое

оставит шрам на душе

заносчивой,

зарубцевавшийся от тоски,

и будет день, но уже

без радости,

скупой и, важно,

такой изменчивой,

но ты

крепись, ты не смей, не плачь,

пусть за столом только одиночество,

и кофе такой горький,

что пить не хочется,

и тени

прожитых неудач.

«В храме пели...»

В храме пели. Люди были.

Всем казалось — мир спасали

от дорожной едкой пыли,

от пространств, что вечно спали.

Покаянный и молебный...

Я и Бог... И — словно чудо:

здесь приходит вдохновенье

чище, чем из ниоткуда.

Служба кончена. На выход.

Пусть тяжка по жизни ноша,

но в награду Бог запишет

мысль о том, что ты хороший.

«Мне от тебя, сердце...»

Мне от тебя, сердце,
сложно куда-то деться,
спрятаться,
раствориться
или совсем пропасть.
Ты — словно мой стержень.
Только живу надеждой:
прошлый типаж, прежний —
это уже не я.
Я не пустой, лысый,
не генерал крысам.
Лучше уж пусть выстрел
точно в висок,
в меня.
Сложно, невыносимо:
нас всех подчиняет сила.
Но многое уж простил я
и вежливо руку жал.

Эпитафия

Стою и вдыхаю твой дым,
твой траур, и словно в нем —
упавшие в тон листы
и слившиеся с дождем.
Так сложно смотреть теперь
и горько теперь понять,
что мир растворил в себе
и сжег до углей тебя.
Остался могильный крест,
оградка — простой фасад.
Так хочется плакать здесь
и время вернуть назад.

«Не думать, что всегда...»

Не думать, что всегда
на пути сложном
будут допросы, выбросы —
просто сойти с ума
от этих стереотипов жизненных,
обездвиженных,
словно игра на деньги, на дурака.

Кто-то, порою нравственный,
под лекарствами...
И, думается, просто не то нашел.
Хочется выкрикнуть: «Кто же мастер здесь?» —
Безобразия,
будто электрошок.

Мы все пошлые, сложные,
но хорошие, добрые —
руку протянем, чтобы подняться вверх,
находить смыслы,
биться мордами о парапет гордости,
видеть перед самым носом своим ответ:
всё «ок»...

«Слез новых не избежать...»

Слез новых не избежать...
Срок в сутки — теперь года.
Мальчик в сознании крутит планеты шар,
только найти не может на ней себя.
Всё оттого, что он не такой, как все,
он, как герой последний, стремится ввысь.
Встал на перроне. Поезд. Хватило б рельс,
чтобы узнать хотя бы, что значит жить.

Галина Говорова

Родилась в Бежецке. Пишет стихи и рисует с детских лет. Занималась в изостудии у бежецкого художника М.И. Кузнецова. После школы поступила в Абрамцевское художественное училище. По окончании работала в Ростове-на-Дону. Затем, в силу семейных обстоятельств, вернулась в родной Бежецк, работала художником в различных организациях города, участвовала в городских и областных художественных выставках.

* * *

Милый город, зачем ты под ноги мне льнешь
Ржавым золотом листьев да мокрым асфальтом
И каких откровений утаенных ждешь,
Надо мной зависая дождливым базальтом?

Я б могла тебе выплакать тысячи слез,
И душа б захлебнулась горчайшей полынью,
Но от бед ухожу в перезвоны берез,
Где глядят небеса изумленною синью.

И опять, забываясь, в каком полусне
Меж землею и небом блаженно летаю
И не знаю, что ждет наяву, на земле —
Может, путь свой обратный домой не узнаю.

* * *

Над городом моим огни туманны,
Клюют вороны стрелки на часах...
Здесь быт нашатыря и валерьяны
Отчетливее радости в глазах.

Здесь движутся все дни неторопливо,
Замедленно, как старое кино,
Лишь по субботам рынок говорливый
Соединяет всех в лицо одно.

И видится мне в облике неброском
Вся бесприютность завтрашнего дня...
Горит свеча, потрескивая воском,
На длинном поводке календаря.

* * *

По залам ожидания бессчетным
Раскидана Великая Страна.
Птенец двуглавый на щите почетном
Уснул в тоске, не ведая стыда.

Не понята чужими и своими —
Разграблена, оплевана сполна.
Куда ты мчишь, державная Россия,
Забыв свои родные берега?!

Под профилем твоих трехцветных линий
В притонах обжирается братва.
Забыто всё — достоинство и имя,
И правит ложь, и плачет нищета.

Куда ни глянь — кругом одни путаны,
Вся мерзость поднимается со дна.
Что ж ты молчишь под хохот твари пьяной?
Ведь не Россия гибнет, а душа!

* * *

Ни жить, ни спать спокойно не могу
На этом странном, страшном «карнавале»,
Где мальчики уходят на войну
Жизнь завершать в кровавом ритуале.

Где каждый день, как между двух зеркал,
Чечня с Россией ставят жизни точку.
Но кто кого на смерти обскакал?
Ведь каждый умирает в одиночку...

И у кого спросить мне — почему
Меня чужою кровью кто-то метит
И кто за все грехи свои ответит?
А мальчики уходят на войну...

* * *

Я б хотела вернуться в другую Россию —
В ту, которой на карте давно уже нет,
Где еще не рожден уголовник-мессия
И не молится матом двуликий «эстет»,
Где чиновник — не вор у корыта с добычей
И народ не успел еще стать «челноком»,
Где не точит клыки волк в овечьем обличье
И не стала Россия содомским грехом.
Я хочу, чтобы память моя, возвращаясь,
Не дрожала от страха в испуге немом,
Чтоб под небом лазоревым снова рождались
Не холопы, а дети со светлым лицом.
Златоглавых церквей возвращается время
И, чутьем отличая святыни от лжи,
Я б хотела в иную Россию поверить,
Но пока только боль, боль и чувство вины.

* * *

Дай руку мне, Рабочий городок!
Я памятью к тебе болею.
Все чудится мне смех и топот ног
Вдоль по бульвару, в Липовой аллее.

Как дверь скрипит под крашеным крыльцом,
Разбитая холодными ветрами!
А вот и я — с заплаканным лицом
Бегу к родной, еще живущей, маме...

Но цепко горло сдавливает боль,
Кольнула память чем-то дорогим.
Четвертый корпус, хоть на миг позволь
К тебе припасть виском — уже седым.

* * *

А на Садовой сносят старый дом —
Стоял-стоял, но ведь и дом не вечен.
Дом обречен, тем более что он
Не так давно пожаром был отмечен.

А я смотрю, и не скрываю слез,
И сознаю: и я, как дом, старею,
Что телом, предназначенным под снос,
С землей сровняюсь, тоже присмирею.

Ну а пока — в моем дому огонь,
И — тишина, и пишутся стихи,
И рядом — верный пес мою ладонь
Облизывает в знак своей любви.

А на Садовой сносят старый дом...

* * *

Сплетенье рук... Во все колокола
Звонит любовь — душа к душе зовет,
А дни мои, как птицы, облетают,
И нежность отражают зеркала...

* * *

Освети мне дорогу, луна!
Я сегодня не просто тоскую,
Я из снов своего бытия
Провожая любовь непростую.

Не скажу на прощанье речей,
Только вскину отчаянно руки.
И опять я останусь ничьей
На пороге последней разлуки.

* * *

Я давно посторонняя
В общежитье людском —
В этом общем вагоне я
Продираюсь бочком.

И свою челобитную
Ставлю в венчик свечи,
И от века гранитного
Прячу душу в ночи.

* * *

Ничего о себе не знаю,
Да и вам обо мне не нужно
Знать, как в полночь душа летает
Самозванкою в пламени душном,

Как нежнеют упрямые губы
И как голос становится нем,
Как срываю до дрожи грубой
Маску чуждую... Перед кем?!

Памяти Ван Гога

Эхо выстрела замерло в поле,
И в бессмертье душа вознеслась.
И был признан художник, и понят,
Когда он, захлебнувшись от боли,
Рухнул навзничь в мерзкую грязь...

А над грешной землею плыла
Молчаливая нежность изгоя.
Опрокинулось солнце с холста
Золотыми цветами в ладони,
И грачи закричали над полем...

Новогоднее

Вспыхнет золотом ночь новогодняя,
И мороз разукрасит окно.
Из хрустального звона сегодня я
Пью за ваше здоровье вино.

Первый тост подниму я за счастье,
А потом за январский снежок
И за трепетный пульс у запястья,
За любовь, что — как ветра ожог.

* * *

Кто оградит от бед и поражений,
Кто заслонит от зла меня рукой?
А память всё острее и откровенней,
И волосы пробиты сединой.

Стою одна средь улицы безлюдной.
Мерцает желтый глаз от фонаря,
И дождь осенний годы мои трудные
Срывает, как листки с календаря.

Надежда Горислова

Родилась в г. Белёве Тульской области. По профессии преподаватель музыкальной школы по классу аккордеона и дирижер. Стихи пишет со школьной скамьи. На I Всероссийской педагогической ассамблее защитила авторскую программу «Система воспитания школьников в современных условиях». Ее стихи печатались в местной и центральной прессе. В 2011 г. поступила в Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет в г. Москве на факультет дополнительного образования по специальности «Теология».

Мирская слава

Ночь, тишина, луна сияет
И ярким светом землю озаряет.
И кажется нам очень ярким свет
Во тьме ночной, тепла от света нет.

Но наступает утренний восход,
И солнце покоряет небосвод,
Оно струит свое тепло,
Уходит ночь, становится светло.

Но где луна? Она, стыдясь, ушла?
Нет, место скромное себе нашла,
Ведь серебристый солнца свет
Затмил луну, её как будто нет.

Так и мирская блещет слава,
Высокомерна, величава,
Сверкает, к себе манит и зовёт,
Но в Божьей славе меркнет, не живёт!!!

Правда и Истина

Пылью опалённая, тяжело дыша,
Правда измождённая по дороге шла.
Предлагала помощь всем, силу от беды
И Святую Истину за глоток воды.

Люди лишь смеялись вслед: «Вот так нищета,
Сквозь рваные одежды — тела нагота».
Колкими насмешками гнали Правду прочь,
И никто из жалости не хотел помочь.

И, покорно сгорбившись, Правда дальше шла,
А Святую Истину лишь в себе несла.
Слёзы омывали пот и пыль с лица,
Безропотным страданиям не было конца.

Вновь в дома стучалась, предлагая взять
Истину Святую и её познать.
И воды испить она больше не просила,
Истину в Подарок лишь взять, принять молила,

Воспалённым взором на людей смотрела
И так много важного им сказать хотела.
Из людей никто её не хотел принять,
Правда измождённая стала умирать.

Чуть живая с Истиной скорбно прочь пошла.
Где она приют себе царственный нашла?
Люди спохватились, стали Правду звать
С Истиной Святою и её искать.

Только почему-то Правда не идёт,
Видно, покаяния она нашего ждёт.

Талант

Талант увенчан был успехом,
Был счастлив, заливался смехом,
А от кого пришёл — забыл,
Вином гордыни всё сгубил.

Врагам

Спасибо, враги, вы меня не бросали,
Всегда были рядом, в затылок дышали.
Меня, унижая, вы делали чище,
А все оскорбления — лекарство и пища.

Спасибо, не дали вы дух загубить,
В лучах земной славы не дали уплыть
К гибели сердца, ума и души.
Спасибо, что рядом со мною вы шли.

Ошибок нарывы вы с болью срывали,
Глаза ослеплённые мне открывали
И слёз очищения дали испить,
Но душу мою не смогли загубить.

Здоровья вам, благ, вы себя берегите
И рядом со мною по жизни идите.

Чаша боли

Чашу боли всю выпить мне нужно до дна,
По глоткам её пью, а она всё полна,
Сколько в ней ещё боли, страданий, тревог
От неправильно выбранных в жизни дорог.

По глоткам из неё ежедневно я пью,
Но лекарство судьбы ни за что не пролью,
Свою горечь ни с кем не должна я делить,
Эта чаша моя, мне из чаши и пить.

Лесть

Лесть ползёт украдкой, как змея,
Манит, серебрится на солнце чешуя,
Привлекает взоры, глаз не отвести,
Для того, чтоб снова сети нам плести.

Из красивых, льстивых и ненужных слов
Нам поставит сети — и готов улов!!!

Память

Уходит день, он угасает,
Его нельзя остановить,
Лишь в памяти он оживает —
Ей всё подвластно воскресить.

Но часто в беге торопливо
Мы память отправляем спать,
Она страдает терпеливо,
Всё реже может оживать.

Природы чудо — наша память,
Подвластно время ей одной,
Запечатлит в себе, оставит
Картину прошлого живой.

Деревенька

Маленькая и святая земля,
Это она — деревенька моя.
Храм здесь Божественный раньше стоял,
Звон колокольный хрустально звучал,

Души будил, каждый здесь очищался,
Дух же нечистый с грехом изгонялся.
Нет больше храма, но есть Святой крест,
Он охраняет покой чистых мест.

Верю я, знаю, что храм возродится,
Так как крестом его место хранится.
Вновь прихожан он к себе призовет,
Святость Всевышнего всем принесёт.

Жизнь в деревеньку опять возвратится,
Люд соберёт, тех, кто любит трудиться.
Низкий поклон тебе, честный наш крест,
Вечно храни чистоту светлых мест.

Колодец

Старый колодец скорбит и вздыхает,
Юность беспечную он вспоминает,
Время, когда был просто ручьём,
Бодро звенел, не грустил ни о чём.

Люди пришли и построили храм,
При храме служил он, душою был там.
В нём воду на праздник священник святил,
И люд освящённую ту воду пил.

Колодец был счастлив и сдержанно строг,
Своею водою он многим помог,
Но мрачный, ужасный день смерти настал:
Пришли и взорвали Божественный храм.

Кричал он от горя и скорбно хрипел,
С тех пор никогда больше не зазвенел.
Лишь память колодцу все жилы тревожит,
Волнует несчастную душу и гложет.

В нём воду по-прежнему люди берут,
Чудес исцеления бедные ждут.
Он дарит всем воду, надежду даёт,
В душе же колодец надеется, ждёт,

Что снова воскреснет разрушенный храм,
Светло подпоёт он колоколам,
Их песня с блаженством его успокоит,
А он всех святою водою омочит.

Мёд покоя

На волну тишины я настроюсь,
Чтоб были молитвы слышны...
На волну тишины...
Ум прикрою завесой от мира, забот,
И от дел незаконченных, и от хлопот.
И, с блаженством вздохнув на волне тишины,
Мёд покоя внесу для уставшей души...

Научи, Господь...

Научи меня, Господь, молчать,
Когда душа изнемогла от боли,
Когда так хочется кричать,
Когда у скорби я в неволе.

Когда оставили в беде,
Когда надежда еле дышит,
Мне помоги молчать везде,
Никто пусть жалоб не услышит.

Замком закрой мои уста,
Надежду в сердце мне верни,
Не уронить с себя креста,
Молю я, Боже, помоги...

Добро и зло

Добро и зло сосуществуют рядом,
Зло за добром следит порочным взглядом,
Зло по пятам шагает за добром,
Подножки подставляет, чтоб потом

Пытаться раздавить упавшее добро
И в торжестве кричать: «Ну вот, пришло
Мне время вдоволь, вволю погулять,
Свое упущенное наверстать».

Нам начеку необходимо быть,
Добро любить, лелеять и хранить.
И не посмеет зло тогда прийти,
Толкнуть добро, ему дорогу перейти!

Мудрость

Мудрость бывает всегда молчалива,
Тупость всегда чрезмерно болтлива,
Красивые фразы умело сплетает,
Затем пустоту в голове прикрывает.

Светлана Гусева

Родилась и проживает в Бежецке всю жизнь. Закончила СШ №4, затем Ярославский государственный медицинский институт. После получения высшего образования работает в Бежецкой ЦРБ врачом-педиатром высшей категории. В литературном объединении г. Бежецка с 1984 г. В 2002 г. избрана председателем поэтического объединения города. Стихи были напечатаны во многих газетах и журналах страны. Они использовались в различных сценариях, посвященных праздникам и памятным датам города.

* * *

Белые ночи, волшебные ночи,
Месяц счастливый июнь.
Лето ладони росой намочит.
Ах, как соловьи поют!

Речка коснется теплой волною,
Нежною лаской воды.
Поманит тропинка прохладой лесною,
И встретят лесные цветы.

Белые ночи, волшебные ночи,
Заката коснется рассвет.
Мне эти мгновения дороги очень,
Этот волшебный свет.

Всё мимолетно, всё быстротечно,
Июнь, птицей звонкой лети!
Радость не вечна, и грусть не вечна,
О жизнь! Я в начале пути!

* * *

Мои стихи, как акварели,
В них блики быстрого ручья
И птичьи радостные трели,
В них жизнь моя, любовь моя.

В них дождик теплый, золотистый,
И зелень нежная листвы,
И солнечный поток лучистый,
И серебристый свет луны.

Мои стихи, как акварели,
В них свет проснувшейся зари,
В них нежный чистый звук свирели,
На снежных ветках снегири.

Прекрасные мгновенья эти
В волшебных красках красоты.
В них день и ночь в чудесном свете,
В моих стихах — мои мечты.

Прозрачны краски, свет струится,
Рассвет, и трели соловья.
На чистый лист строка ложится,
Стихи мои, вы — жизнь моя!

* * *

Ах, как хочется быть счастливой!
Как любимой хочется быть!
И походкой неторопливой
По земле словно лебедь плыть.

Птицей белою в небо взмывая,
Над прекрасной землей кружить.
Синеву крылом рассекая,
Жить надеждой, мечтаю жить!

* * *

В тишине слова мои
Возникают ниоткуда.
Вот сложились они
В это маленькое чудо.

Сотворилось само
Вдруг мое стихотворенье.
Мне так нравится оно —
Вам дарю свое творенье.

И слова я пишу
На тетрадный на листочек.
Я пишу, как дышу,
Вязью милых добрых строчек.

Я пишу, как дышу,
Мысли строчки обгоняют.
Записать их спешу:
Вдруг исчезнут — так бывает.

В темноте, в тишине
Вдруг возникнет вдохновение.
Как звезда в вышине,
Вспыхнет вдруг стихотворенье.

* * *

Уходят годы, и уходят люди,
Безжалостно, наверно, навсегда,
И с ними встреч у вас уже не будет,
Не будет в этой жизни никогда.

С душевной болью, с грустью затаенной
Припомнится знакомый силуэт
Из прошлого, из юности влюбленной
Друзей, ушедших из ушедших лет.

* * *

Хочу любить, хочу беречь
В душе все светлые мгновенья.
Таких нечастых наших встреч
Любовь мне дарит вдохновенье.

И воспаряя над землей
Как бы на крыльях белоснежных,
Любимый, рядом я с тобой
В души прикосновениях нежных.

И я храню твою любовь
От непогоды и ненастья.
И над землей взмываю вновь
В полете солнечного счастья.

Земля, живая мать Земля
Всегда хранила всех влюбленных.
Со мной всегда любовь твоя,
Со мной ты в мыслях потаенных.

И я к тебе всегда стремлюсь,
Тебя я чувствую душою,
И за тебя всегда молюсь,
И в мыслях, милый, ты со мною.

Хочу всегда тебя любить,
Хочу тобою быть любимой,
Хочу с тобою рядом быть,
Я жду всегда тебя, мой милый.

* * *

Мне не исправить того, что было,
Что было — в прошлое ушло.
Я боль былую не забыла,
Но на душе моей светло.

И не вернуть мне встреч минувших —
Бег времени неумолим, —
Дней лучших и не самых лучших —
Всего, что в памяти храним.

Но время, всё оно излечит
И всё рассудит, как судья,
И боль былых обид облегчит,
Вернет всё на круги своя.

Ошибок прошлых не исправить,
И время вспять не повернуть.
Жизнь на путь истинный направит,
Да будет светел этот путь!

* * *

Словно сполох, озаренье —
Родилось стихотворенье.
Слово к слову, строчка к строчке —
Мысль в изящной оболочке,

В кружевах волшебной рифмы,
И легки, напевны ритмы,
И слова ручьями льются,
Словно плачут и смеются.

На листок слова ложатся,
Те, что в вышине кружатся.
Пусть перо листа коснется,
А иначе ввысь взовьется.

И растает вмиг творенье —
Новое стихотворенье.
Я, как проводник для света,
И в ответе я за это.

Мое каждое творение —
Новое стихотворение.

* * *

Дороги дальние из детства нас ведут
В огромный мир, прекрасный, незнакомый.
Мы возвращаемся домой, где нас так ждут,
Где согревает нас тепло родного дома.

О мама, милая, тепло любимых рук
От всех невзгод и бед нас охраняет.
Ты всё всегда поймешь, как верный друг,
И свет твоей улыбки мне душу согревает.

Как хорошо вернуться вновь домой,
Где с детства всё привычно и знакомо.
В уютный мир, надежный и родной,
Где согревает нас тепло родного дома.

Когда-то наши дети подрастут,
Настанет наш черед не спать ночами
И писем ждать, как наших писем ждут, —
Тогда поймем мы мамины печали.

Прости меня, прости меня за всё, прости!
Горька разлука, и я снова уезжаю.
Так пожелай мне, мама, доброго пути,
Хранит от бед твоя любовь меня, родная.

Прости меня, прости меня за всё, прости,
Твоя любовь меня в разлуке согревает.
Ты пожелай мне, мама, доброго пути,
И я вернусь, вернусь к тебе, родная.

Варвара Добросёлова

Ахматовой

Белый лист в тишине перед бурею пуст.
А на шее — нитка жемчужных бус.
Напишите пером на бумаге письмо
И откройте навстречу грозе окно.

Встрепенётся кружево на плече.
Вздрогнет пламя на желтой усталой свече.
Дама в черном, старинные с боем часы.
Опустившие чашу добра весы.

Маслом розовым пахнут пальцы рук.
Патефонной пластинки скрипучий звук.
В темной комнате живопись и нафталин.
На подушке дикий вышит павлин.

Вы задумались, глядя на мокрый сад.
Он дождю, как и вы, удивлен и рад.
Что на сердце, какой сейчас день и час?
Что гнетет, и волнует, и радует Вас?

Напишите письмо в двадцать первый век.
Мы замедлим свой суетливый бег,
Чтобы снова коснуться любимых строк
Да помилует, Анна, душу вашу Бог!

Радость

Пробегают строки прозы по заснеженным мечтам,
Проплывают мимо грёзы вдаль, подобно облакам.
Искушенье человекам — радость — времени клочок!
Собирает сухоцвета исторический пучок.

Туманы

Мне терпеть осталось и молиться,
Мне больно дальше грезить и мечтать.
Тоски соленым морем не напиться,
Пора евангельской живой воды искать.

Туманы прячут истину, слепые,
И заблудиться можно на пути,
Но не лги себе, что можешь ты в России
Без Бога радость бытия найти!

Утро в Москве

Льёт звон металлический гул на витрины.
Пчелиный янтарь — в ярком зареве мёд.
Над зеленью лаковой вдоль автострады
Люминесцентное солнце ползёт.

Заходятся рельсы сдавленным хрипом,
Играет трезвучия метрополитен.
Грядущее счастье мечта призывает.
Реальность готовит пожизненный плен.

Горят бриллиантами луж тротуары,
Бледнеют бессильно огни фонарей.
Щитами у самого сердца России
Белеют стены монастырей.

Мы люди Твои! Мы живем, умираем.
Мы близоруки при свете звезды.
Железобетонным раем
Нам кажется город от быстрой езды.

Комната

Отпусти, больно помнить.
Я снова ишу с возмущённою совестью мира.
Темнота за окном.
Там зелёный фонарь освещает пейзаж сиротливый.
В моей комнате пусто почти.
На стене дирижирует тень от деревьев.
Это музыка осени тихо звучит.
Золотое аккордов плетение.
Знать, у старых хозяев когда-то жил пёс,
Раз царапины здесь на паркете.
Он грустил взаперти,
Вечерами гулял в ярком вязаном тёплом жилете.
И такая же осень сейчас во дворе,
А я думаю, что может значить,
Что остались одни на паркете следы
От коротенькой жизни собачьей.

Трёхстишия

* * *

В лохмотьях мха седого
Намокли срубы.
Гроза прошла.

* * *

Вчера так близко было счастье.
В уюте вечера бывают
Среди друзей.

* * *

Голубь взлетел над старым садом,
Высшей красоты достигнув.
Прости врагов.

* * *

Поют канарейки звонко.
Не видят, что в клетке они.
Весной птицы слепы.

Тайна моей души

На одной старинной улице я помню старый дом,
Как в том рассказе Бунина, с распахнутым окном.
И огонёк до полночи там в комнате горел,
И ветер занавескою тихонько шелестел.

Но только не затворница в нем бедная жила,
А тихо долго пряталась от всех моя душа.
И, превращаясь в дикую шипящую змею,
Ловила в одиночестве на стенах тень свою.

По узкой темной лестнице скользила до утра,
А днем на подоконнике вздыхала и спала.
Потом в обличье девушки в полночный час ночной
Луну встречала, бледная, с распущенной косой.

И одеянье светлое, и запахи венков
Влекли из сада стаи прозрачных мотыльков.
Какие речи странные они шептали мне
О тайне неизведанной, о дальней стороне,

Где дремлют песни дивные в колодце среди мха.
В тени цветущих вишен живёт моя душа.
Там огонёк, как звёздочка, до полночи горит,
И ветер занавескою тихонько шелестит.

* * *

В середине яркой осени утром будет первый снег.
Упадет бумажной проседью на бледнеющий рассвет.
Так печально, ново, искренне он напомним о зиме,
Что покажется мне письмами о нетленной красоте.

Изабелла и базилик

Встречи ждёшь оранжевой?
Кто ты мне, Странное Чудо?
Сны тебе глаза открыли?
Не ново, многие яркими были.
Яркий цвет не даёт огня.

Не проклинай меня.
Не надо надрыва.
Что в сердце? Нет, не лёд.
Это просто такой год.
Всё уже было?
Скука опять?
Хотя бы были честны — глаза открыли,
Что не на кого пенять.
Мы были, уже когда-то были.
Всем одиноким не по пути?
Вымерзли те, кто любил?
Молчи. Не говори.
Пустое всё...
Тебе отдаю мир.
Бери, пока не старик.
Земле вновь нужен базилик и все равно, чья голова.
Просто так, для новой новеллы,
Для слёз очередной Изабеллы.

Возвращение

Не стану долго говорить.
Пустое.
Стара, как мир, история поэта.
Рассказ.
Под солнцем общим жили двое и радовались солнечному свету.
Любовь.
Не равен был союз воды и ветра.
Волнуется вода, а ветер
Терзает гладь ее изменчивой волною.
Беда.
Бессилен ветер изменить течение. Вода меняет форму гибко,
И ей знакомо возвращение туда, где низко.
Близко.
Их счастье было очень близко,
но никогда не будут вместе вода и ветер, как земля и небо.
Она вернется к ветру легким снегом,
но только опоздает превращение.
Возвращение.

Я научусь со временем молчать

Я научусь со временем молчать, оградой сердцу станет уст молчание.
И, как старинный антиквариат, о звуке сохраню воспоминания.
Пусть пылью покрываются мечты, разбить которые с размаху было страшно.
Из пепла чувств сторевших и слезы мне, исцеления ради, сотворилось брашно.

Прозрения никто не избежит, оставь мечты, что можно по течению
Неспешно плыть, не замечать мосты, прочь отгоняя смутные сомнения.
Летят мгновенья, время вспять не повернуть, пусть манят миражи, но ясно,
Что очерчен правды путь, а правды избегать всегда опасно.

Что тайно — явно станет, что прошло — напомним о себе сомнения грезы.
Блажен же тот, кто верил тишине, кто сразу выбрал очищающие слезы.
Кто сразу выбрал — тот не испытал на прочность все законы мироздания.
Всё повторяется — одни из века в век ошибки, достижения, желания.

Нет смысла, цели нет, раз не войти нам дважды в ту же жизненную реку,
Чтоб слушать в тишине и выбирать, есть совесть у живого человека.
Лишь выбранная правда не умрет, а остальное всё изменчиво и смертно.
В мечтах рассудок движется вперед, а тело и привычки суть инертны.

Не сразу сердцем ощутим плоды, но только по плодам себя узнаем.
Так знали те, кто тихо достигал статично-истинного радостного рая.
И прост завет их, истина проста, но разуметь ту истину непросто,
Как достигать, смиряясь, и расти, не замечая собственного роста.

Всё

Я бы прыгала, как дитя, но модельные туфли жмут.
Я бы пела, как соловей, только песен моих не ждут.
Я спасла бы кому-то жизнь, но свою не могу спасти.
Я сегодня решила: всё, перестану писать стихи.

Геннадий Ершов

Родился в г. Бежецке. Закончил среднюю школу № 2, музыкальную школу, а затем военное артиллерийское училище в г. Туле.

Стихи начал писать с 13-14 лет. Печатался в газетах «Красная звезда», «Красное знамя», «Тихвинская правда», «Вече Твери», «Тверская жизнь», «Отражение», «Бежецкая жизнь», «Бежецкий вестник», в журнале «Домовой». Главным своим произведением считает «Сказание о Преподобном Нектарии Бежецком».

Волшебный звон

Над городом мягко плывет перезвон.
Как сердце волнует мелодией он!
И будит в душе христианской печаль,
Уносит раздумья в небесную даль —
Туда, где Господь во Вселенной живет,
Где ангел небесный мне песню поет,
Где нет ни унынья, ни зла, ни врагов,
Где плата Марии сверкает покров,
Где свет лучезарный объемлет меня
И вечно ласкает в сиянии дня...
Восславим Создателя сонмом стихов,
Избавим себя от засилья грехов!
Кто верует свято, кто молится Богу,
Тот в райские кущи возводит дорогу...
В ком сила Господня, как камень, крепка,
Тот выпьет глоток из глубин родника,
Где совесть Христова с тобою живет,
Под звон колокольный надежда зовет,
Любовь процветает по воле ума...
Да здравствует солнце! Да скроется тьма!

Люблю тебя, Владычица небес

Люблю тебя, Владычица небес,
И сладких слез торжественных не скрою.
Не страшен мне ни враг, ни черный бес,
Когда молюсь смиренно пред Тобою.
Ты нам в яслях Иисуса родила.
И вечен Бог-спаситель и Мессия!
Заступница, Ты свет нам принесла,
Моя Любовь, прекрасная Мария!
Ты душу мне вниманьем успокой,
Улыбкою и добрым чутким словом
И нежною рукой меня укрой
Своим небесным царственным покровом.
И чуден в свете вечный образ Твой,
И ярк нимб главы Твоей прекрасной,
Он, как огонь лампы золотой,
Блестит звездой торжественной и ясной.

Одиночество

Берёза, берёза, старушка седая,
О чём ты вздыхаешь, верхушкой кивая,
О чём шепчешь тихо зелёной листвою,
От ветра играя зелёной косою?
Быть может, болят твои старые раны?
Во сне тебе видятся дальние страны?
Стоишь одиноко у сельской дороги,
Болит твоё сердце в тоске и тревоге.
Деревья, как люди, живут, умирают,
Тоскуют, печалются, плачут, страдают,
Им больно и горько, порою тревожно,
Когда друга в жизни найти невозможно...
Душой я желаю быть рядом с тобою —
Судьбой своей связан с твоею судьбою...
Глядеть на тебя тяжело и тоскливо,
Когда ты, берёза, стоишь сиротливо...
...Не очень легко в этой жизни бывает —
Уходят года и... любовь умирает...
Порою судьба к нам бывает жестока,
И ты, как берёза, грустишь одиноко...

Таинство души

Что там за горизонтом, милый мой?
Быть может, колокольчик под дугой?
Быть может, друг иль сильный черный враг?
А может быть, Парнас или овраг?
Не знаем мы, к чему судьба зовет,
К чему дорога жизни приведет...
В бессилье философствуем, творим
И думаем, что вечен город Рим...
А посудить — сам Бог нам не простит,
Когда душа закованная спит,
Когда гремят ножные кандалы,
А мысли меркантильны и гнилы,
И в лености бездействует наш ум
И часто избегает грустных дум...
Сними вериги с нежных ног своих
И брось, поэт, в глухую пропасть их!
И будет крепок помыслов гранит,
Когда душа с тобой заговорит...
...Задумайся, читатель, и пойми —
Не только тело властвует людьми...

Весна в лесу

Запах сосен, запах прели
После долгих зимних нег.
Хорошо в лесу в апреле!
Уж сошел последний снег.
Набухают силой почки
На деревьях и кустах.
Скоро нежные листочки
Привлекут весенних птах.
Лес уже живет весною,
Нарушая Божью тишь.
За высокою сосною
Уж шуршит в распадкемышь.
Всё живет, пока незримо,
До весеннего тепла,
Лишь стучит неутомимо
Дятел клювом у дупла.

Печаль памяти

Склонилась березка над скромной могилой,
Как мама над спящею доченькой милой,
И нежной листвою своей шелестела,
И грустную песенку жалобно пела.
Луна ту могилку сияньем ласкала,
И тучка слезами ее поливала,
И солнечный луч грел тот холмик печально,
Роса по утрам разливалась хрустально.
Цветы разноцветные ярко пестрели;
Средь них колокольчики чудно звенели,
Как будто вечерней порой ветерочек
На нежную травку накинуд платочек.
Вот также и нас не минует судьбина...
И грустно, когда не прольется слезина...
Спи вечно, спокойно усопшая плоть.
А душу возьмет всемогущий Господь!

Как хорошо, когда в душе весна!

Приятен воздух утренней прохлады,
Когда цветов весенних льется дух
И соловьев прекрасные рулады
Мажором звонким мне ласкают слух.
Как чуден запах бежецкой природы,
Ее особый внутренний настрой!..
Вдруг вспоминаешь прожитые годы
И в них находишь счастье и покой.
Я помню с детства волны Остречины,
Крутой речной моложский бережок,
Где русокосой солнечной дивчины
Меня пленил прелестный голосок,
Когда ее ласкал, от счастья млея,
Поток в любви признания будил,
Где на дорожке Липовой аллеи
С моей любимой время проводил...
Как хорошо, когда стареть не смеешь,
Когда душа поет в объятье сна!
И ты, мой друг, от счастья молодеешь,
Когда на сердце властвует весна!..

Из цикла «Времена года»

Зимняя зарисовка

Отгорела осень жарко
Красно-желтою листвою,
А зимою блещет ярко
Лес нарядною фатой.
Снег на лапах старой ели,
Он укрыл покровом пни.
Быстрокрылые метели
Все тропинки замели.
Запах елей свежий, острый.
Слышен быстрый дробный стук —
То клювастый дятел пестрый
Громко долбит старый сук.
А мороз к ночи крепчает,
Ох, лютует, старый дед!
Между елочек петляет
Осторожный зайца след.
Волк выходит на охоту,
А медведь в берлоге спит.
По замерзшему болоту
«Патрикеевна» бежит.
С веток елочных спадает
Белоснежный снеговей.
Белка шустрая шныряет
С шишкой желтой меж ветвей.
На сосне трещит сорока —
Весть приносит на хвосте.
Ночью месяц одиноко
Рогом виснет на ветле...

Полуночная беседа

Лампада жизни в сумраке горит,
И свет ее икона отражает,
Иисус Сладчайший что-то говорит,
Моим молитвам благостно внимает.

Как хорошо в полночной тишине
Вложить в уста слова Любви такие,
Чтоб только быть с Христом наедине
И свято верить в помыслы живые!

Гори, гори, лампы чудный свет!
Уйдите прочь, все горести и беды!..
И ничего на свете лучше нет,
Как Бога слышать в таинстве беседы!..

Ночь упала над рекою

Ночь упала над рекою.
Встала желтая луна.
Только сердцу нет покоя,
И душа тоской полна.
Что-то грустно мне сегодня:
Или я чего-то жду,
Иль провиденье Господне
Накликает мне беду?..
Где-то слышен лай собаки,
Тихий шорох под кустом,
Резкий визг кошачьей драки
За разваленным мостом.
А луна все выше, выше
Забирается в тиши,
Озаряя светом крыши
И у речки камыши.
Где-то звездочка упала,
Прочертила небосвод
И безвременно пропала
В глубине спокойных вод.
Романтична прелесть ночи!
Не забыться, не заснуть.
Так и хочется мне в очи
Милой пери заглянуть,
В них поймать начало лета
(Жизнь прекрасна! Не горюй!)
И продолжить до рассвета
Свой горячий поцелуй...

Андрей Иванов

Родился в г. Бежецке. Работает на заводе «Сельмаш». Стихи пишет со школьных лет. Автор и исполнитель бардовских песен. Призер городских конкурсов военной и патриотической песни. Неоднократный участник и призер фестиваля авторской песни имени Ю. Визбора «Распахнутые ветра» (г. Осташков). Его стихи печатались в газете «Тверская жизнь», литературном альманахе «Неопалимая купина», вып. 4 (Москва, 2008), сборнике, посвященном 65-летию Победы в Великой Отечественной войне «Вечной памятью живы» (Бежецк, 2010).

Н.С. Гумилеву

О жизни больше ни слова, сиречь ни словца,
ведь всё непонятное ложно, зато без конца.
Жить невозможно одной только Африкой,
не Байрон он, право, не Пушкин — совсем другой.

Зачем ему люди и звери, а также вам —
поверить движению, взгляду или словам.
Всё меньше, которые стоят, да ладно, пусть,
терновый куст, он привычен, он просто куст.

А больно, так что же — другого никто не ждал,
опять этот город, опять неуютный вокзал.
И с Анной чем дальше, тем больше не по пути,
но Левушка здесь, и от этого не уйти.

Обычные люди? Наверное. Что говорить,
душа одного лишь дымится, другого — горит.
Над ней, как всегда одержимо, кружит воронье,
а нам не понять, не увидеть — лишь вспомнить ее.

О смерти молчок — это табу, забудем о ней,
сегодня немного светлей, да никак не теплей.
Липа за окнами не шурится ото сна,
Поутру частица «не» так безрадостна...

Он жил...

Он жил тогда среди монголов,
Голодных, диких, полуголых,
В орде косых и смуглых лиц:
Приятней — морды кобылиц.

Смотри вблизи, издалека —
Врага увидишь, чужака.
В тот год дошли до океана
Закон и сила Чингисхана.

Как статуэтка из нефрита,
Великая стена разбита,
И Поднебесная, увы,
Не поднимает головы.
Поднимет позже, а пока
Смиренна Желтая река.

Есть император или был?
Ты есть, ты здесь и всё забыл.
Он выходил тропой на мыс,
Молился, думал, пил кумыс.
Проходит всё — что нам века?
Течет сквозь пальцы горсть песка.

Вот и закат. Шумит прибой...
Война. Несчастье. И покой.
Но взгляд тщетою замутнен,
Не усмотрев иных времен.

Ненастье

Небо дождь разольет по лужам,
От грозы откупаясь каплями.
Только молнии — непослушные,
Беспощадные, равнодушные.

И понятна мне дрожь в коленях прохожего,
А с меня что возьмешь — не лень мне походить быть,
Потому он тобой и узнанный,
Все гундосит гобой разнузданный.

Непогоды, а как дудка чертова,
О судьбе да о силе воли...
Проступают дома отчетливо
На секунду, на две, не более.

И довольно, и хватит страсти,
Звукам нужен почетный отдых.
Ну подумай — зачем их красть мне
У сегодняшнего ненастья?

Ни эскорта и ни конвоя нет, и временно
Воздух к ночи постыл и ноет ля ре минор.
Под ногами не глобус вертится,
Мы же встретились, хоть не верится.

Жаль, что маять делишки прежние
От подъема нам до отбоя,
Засыпая под утро грешными,
Под настойчивый «ля» гобоя.

Зонтик взять мне напomini завтра:
Наше небо всегда ранимо.
И заплачет оно внезапно
Над любимой моей равниной.

Ненастье — 2

Давно не слышал шума дождя, и вот вам — здрастье:
В конце июня за окном опять ненастье,
Уныло небо дождевит без должной страсти.
Долой экстрим, уют домашний — в авангард
(Сердечко рву на части).

Я — ремесленник, ты — не хуже, утонченность не актуальна.
Быть слонами в посудной лавке до чего ж иногда нормально!
Это как бы взмахнешь рукою дирижером земли всея,
Но тональности я не помню, нот вообще не имею я.

Там поверил в это, тут влюбился в то,
Спорим, что не помянет поэта среднерусское плато.
Не златом, знамо, платим-то за всё, чего хотим,
Вода срывается с небес не между прочим,
Ведет вперед очередной великий Кормчий,
Нас примиряет с ним отсутствие наград
И прочих знаков власти.

Умывающей дом водице с удивлением я внимаю
И тому, как Господь нас лихо прибавляет и отнимает.
И беззвучные вспышки молний в небесах или дальше где
Заклинают не верить больше усыпляющей той воде.

Пара заклинаний — снова тишь да гладь,
Мне бы на чуть-чуть побольше знаний — не пришлось бы лгать,
Слух неся по свету: в чем ненастья спесь?
Да прохожих в переулке нету: городишко вымок весь.

32-е мая

Тридцать второе мая было, впрочем, теперь не знаю,
вспомнит ли календарь настенный и через сколько лет
этот денек чудесный, чудный — сложно идти по краю
жизни, ну, а на «нет» суда, известно, как говорится, нет.

Только за пять сестерций даже вина не купишь,
скарედность гложет сердце, слабость стучится в грудь.
Совість бренчит копейкой, чувства купил на рупь лишь,
есть в голове идеяка, как мир перевернуть.
А он того не хочет, выстоян не на клее,
кто бы что ни пророчил — накося, выкуси!
Жизнь сто пойми какая, а всё закат алеет,
Звезды на небе не мерцают, как я их не просил.

Тридцать второе, месяц пятый, сразу за тридцать первым,
однако первого расчет, и ждать лишний день — позор.
Если не строят нервы, как сыграешь на этих нервах?
В кинотеатре в красном зале — «Бег», в голубом — «Дозор»
ночной, дневной, мультяшный, можно смотреть без звука:
Опытный стол монтажный вытерпит и не то.
Господи, как всё глупо, Боже, какая скука,
Дай загляну в компьютер тупо и превращусь в ничто.

Тридцать второе мая не прожить в остальные сроки,
вот и гроза занялась привычно — нас не пугает гром.
Физика без законов, и опять не выучены уроки,
ба, да сегодня праздник, наконец покидаю дом!
Праздник, но люди с горя (не получив зарплаты),
злее февральской стужи, ходят, головы наклоня.
Небо ни с кем не спорит, капли, как акробаты,
прыгают вон из лужи, тут же падают на меня.

Я не бродил по свету, всюду с огнем играя,
что ж, попрошу карету, чтобы умчаться вдаль.
Пусть его даже нету, тридцать второго мая,
но зато есть планета эта, хрупкая как хрусталь.

Полет Земли

Император еще не стар, а империи больше нет:
всё расставлено по местам, разминулись пути планет.
Так за что же? А ни за что, просто так, на потребу дня
превратили его в ничто и задели чуток меня.

Ну и пусть я родился здесь на полвека позднее, да
всё такая же в людях спесь и такая же простота.
Не всегда она, не всегда хуже пьянства и воровства,
драгоценная как слюда, но куда против естества?

Императора ищут все (говорят, мол, уже нашли!),
только белочкой в колесе — орбитальный полет Земли.
Под расстрел всю его семью, может, больше не поведут.
Плохо мелкому муравью: много знает про тяжкий труд.

Свою веточку донести в муравейник любой ценой,
а не сплетни сидеть плести, демонстрируя норов злой.
Император был добрый муж, чином, силой не обделен,
нерешителен, прост к тому ж, — вот поэтому и казнен.

Триста лет как коту под хвост, так же будет и к пятистам:
кто однажды покинул пост, ненадежен, хоть грудь в крестах.
Никогда не уймется мир от страстей, и прелюдией
на балконе стоит кумир, а внизу — океан людей...

На столбе за окном фонарь не горит (между прочим, ночь),
я не батюшка, не звонарь, нечем даже себе помочь.
Императору все равно, что теперь с нами будет.
Дождик молча стучит в окно и соседей не будит.

.....
Мне не нравятся люди только в колючем сне,
а кому-то мешают солнце, дождь, ветер и снег.
Я не знаю, на сколько долгим будет Земли полет...
О, фонарик к утру включили, звезды — наоборот...

Ольга Киселева

Родилась в г. Бежецке 4 мая 1979 г. Закончила СШ №6. Стихи писать начала в шестилетнем возрасте. Училась в Санкт-Петербурге в духовной академии на регентском отделении. Обучаясь в духовной академии, писала сценарии к детским праздникам. Получила специальность дирижер церковного хора. Работает в храме регентом, является секретарем и преподает церковно-славянский язык на епархиальных курсах религиозного образования и катехизации в г. Санкт-Петербурге.

* * *

У моей мечты есть запах лета,
Свежескошенной травы, твоих волос
В каплях утренней росы. И ты, раздетый,
Мне рубашку свою мокрую принес.

У моей мечты есть цвет зеленый
Сочных, вымытых дождем в саду ветвей.
И в беседке, маленькой, резной, под кленом
Спит наш первенец с улыбкою твоей.

У моей мечты есть голос струнный,
Нежной арфы мелодичный перебор,
Шепот звезд, печальный отблеск лунный,
Наших душ безмолвный разговор.

* * *

Та ниточка связала нас навеки.
И пусть не будем мы с тобой близки
Когда-то. Жизненные вехи
Покроют серебром твои виски.

Проложит грусть усталые тропинки
Вдоль щек твоих, моих. Во взоре вдруг
Блеснут воспоминания слезинки,
И оживет внезапно память рук.

И память глаз воскреснет на мгновенье,
Забьется сердце бешено в груди,
В душе возникнет смутное томленье...
Тогда скорей на улицу иди.

Иди по городу, лицо подставив ветру,
А лучше снегу колкому, как сталь.
Широким шагом метр за метром
Иди куда-нибудь в заснеженную даль.

Когда не станет шума улиц людных,
Когда затихнет мира суета,
Остановись. О днях Господних судных
Подумай как никто и никогда.

Вздохни так тяжело, как в Сибири ссыльный
Вздыхает о делах былых годин,
Взгляни наверх, и слез поток умильный
Докажет, что совсем ты не один.

Тогда исчезнет, дымом испарится
Тоска земная по былым тяжелым снам.

* * *

Кто ты? Что ты для меня?
Ты — вот этот снег пушистый,
Что ковром ложится чистым
И искрится в свете дня.

Кто ты? Что ты для меня?
Ты — пронзительно бездонная
Неба чаша однотонная
С теплым светом янтаря.

Кто ты? Что ты для меня?
Ты — росы душистой полный
Лес рассветный благовонный,
Что проснулся, весь звеня.

Кто ты? Что ты для меня?
Север, запад, юг, восток,
Звезды, море и песок,
К солнцу рвущийся росток,
В знойный день воды глоток,
Жар печи, игра огня...
Кто ты? Что ты для меня?

* * *

Жестокою рукой схватив за стебель тонкий,
Ты рвешь нераспустившийся бутон,
Вдыхаешь первой молодости запах звонкий,
И этой нежностью ты опьянен.

Но вдумайся, как рвешь его бездумно рано!
Попав под страсти опаляющий поток,
Он не распустится так полно, так желанно,
Как раскрывается нетронутый цветок.

И лепестки его на розовой заре
Не дрогнут, с девственностью строгой расставаясь,
И аромат его в рассветной тишине
Не разольется, на ветвях качаясь.

* * *

Где-то там далеко я оставила сон.
Стали мысли ясней и разборчивей даже.
Только нет да и вырвется жалобный стон —
Как мне жить без тебя, дорогая пропажа?

Время-доктор тоску, пусть не хочешь, — залечит.
Только знаю, что вдвое несчастнее стану,
Когда, гордо расправив понурые плечи,
Я грустить о тебе навсегда перестану.

Только знаю, что счастья душе не прибавит
Вставший выбор таких разноликих дорог.
Всё пройдет..
Лишь один чуткий миг не оставит —
Как жила я счастливая у твоих ног.

* * *

Не мни себе, что ты силен,
Пред женским стоек взглядом.
Придет любовь — возьмет в полон,
Отравит сладким ядом.

Не думай о себе — как бык
Здоров — полвека сдюжу!
Вопьет болезнь свой волчий клык,
Напустит в тело стужу.

Что жизнь твоя, не рассуждай,
Лепи ее руками.
Лепи, что хочешь, только знай —
Всё смоем смерть цунами.

* * *

Дождь прошел, небо ясное стало,
А в душе моей всё ж непогода.
Мысли тянутся слабо, устало,
И не радует сердце природа.

Не тяни ты ко мне свои ветки
В пухлых гроздьях, подруга сирень!
Я сегодня, как зверь в узкой клетке.
Не спасет твоя нежная сень

От томительно-тягостно-гулко
Разлетевшихся в воздухе слов...
Я застыла на том переулке,
Где закончился мир мой из снов.

Мной одною придуманных сказок,
Перехваченных лентою грез,
Где чуждалась я всяких подсказок,
Где не видела штормов и гроз,

Где любила, мечтала, желала...
Как же страшен вдруг стал переулок —
Мхом поросшая гряда металла
Да под старой скамейкой окурок.

* * *

Люблю глаза твои, мой друг,
Когда стоишь ты против солнца.
Я в них смотрю и вижу вдруг
Всю глубину в зрачке до донца.

Когда за мною из-под век
Следят, желая взглядов встречу.
Люблю их торопливый бег
Обратно внутрь, лишь я замечу.

Люблю глаза твои в тоске,
В минуты сильного волнения,
Когда стираются в песке
Все замки вмиг без сожаленья.

Но нет сильней очарованья —
Глаза потупленные ниц,
Мольба, и страх, и огонь желанья
Из-под опущенных ресниц.

* * *

Зимний день отживает короткий свой век.
По дорогам средь сумерек бродит февраль.
Словно псина матерый, лохматый Казбек,
Лижет мне сапоги. Как неистовый враль.

Обещает мороз, снегопад и метель.
Лишь ты шубу надень — а уж днем всё течет..
И не знаешь, в ночи приминая постель,
Что еще за сюрприз нас наутро всех ждет.

Переменчивый месяц, поскребыш зимы,
Одно слово приходит на ум — умереть.
Ты тоской индевешь сердца и умы,
Как паук над домами плетешь свою сеть,

Беспросветно-дождливо-печальную... Ночь
Воровато теснит обессиленный день.
Она штучно считает секунды и прочь
Их бросает в февральскую мрачную тень.

Александр Коган

Родился в Санкт-Петербурге, 40 лет прожил в казахстанском городе Балхаше, с 1990 года живет в Бежецком районе. По образованию – инженер-электрик. Стихи пишет с 1973 года. За эти годы написано более 900 стихов, три поэмы, ряд басен. Член Союза писателей России. Участник различных фестивалей, поэтических встреч и конкурсов. Призер конкурса патриотической песни и поэзии в г. Славянске-на-Кубани в 2010 году. Издал книги стихов «Лицо» (2007), «Тепло и светло» (2010).

Агония

Как тяжело не только нам, а всем,
Похоже, что Земля уже иссякла,
Пейзаж уныл, а воздух тверд и сер,
Не напиваемся водою затхлой.

И все-таки другим куда трудней:
Нехватка и пространства, и ресурсов,
Но выживают люди много дней,
Но в страхе перед завтра не трясутся.

Себя рукой за горло ухватив,
Бежим по жизни в поисках удачи,
С землей без уважения, на ты,
И в то же время над собою плачем.

Веками ищем: кто же виноват,
Себе не рады и другим не рады,
Когда у нас повсюду срам и смрад,
А мы всё продолжаем гадить.

Бешенство

Бесшабашная буйствует осень,
По окрестностям листья разносит,
В пробужденном намерении азарте
Хочет слыть нерадивой хозяйкой.

Лишь вчера в ярких красках, особа
Оказалась сегодня рискованной,
Непонятно, чему она рада,
Разноцветные сбросив наряды.

Отрядила в соратники ветер,
Не приветит, державка, не цветит,
Лишь ночами по прошлому стонет,
Будит походя мир этот сонный.

Весь в нем

Окунаюсь в Питер, как в купель,
Потерявши прожитое время,
Словно я чего-то не успел
И опять хочу начать скорее.

Окунаюсь в Питер, как в печаль,
Вспоминая будущую сказку,
Счастьем эту радость обольщал,
Каюсь, а потом совсем не каюсь.

Окунаюсь в Питер, как в юдоль,
Кланяюсь каким-то силам высшим,
И теперь, навеки молодой,
Путь свой продолжать я дальше вышел.

Окунаюсь в Питер, как в любовь,
Мысли разлетаются всё выше,
И хожу по городу слепой,
Никого и ничего не вижу.

Беседа с самим собой

Ничуть не лгу врагу.
Не воздыхаю праздно.
Себя не берегу.
Быть может, понапрасну.

Как все, свободно мчась
По бытности суровой,
В свой каждый день и час
Я превращаюсь в слово.

Такая доля. Пусть.
Мне это всё не вчуже.
И все-таки боюсь
Упасть в чужую душу.

Новости

За вестями о криминале
Тайной тенью стоят менялы,

Отодвинув приоритеты
В беспощадной борьбе за это.

Поскорее чтоб истекли мы,
Увлажнили владыки климат.

Словно ум в голове от смеха,
Собирается полюс съехать.

Наизначащее начальство
Разнесло материк на части.

Не осталось больших ученых,
Все исчезли в дырищах черных.

Что-то где-то еще горит...
Больше не о чем говорить.

Жара

Солнце упало в синий зенит,
С нами смыкаясь на юге,
И молчаливо и долго струнит
Шелохновений потуги.

И, задыхаясь в потоке жары,
После взаимных сюрпризов
Мы с наслаждением топим жиры
Каплями в солнечных брызгах.

Пытки не выдержав в жарком плену
(Всё же никак не безгрешен),
В счастье фонтана себя зашвырнув,
Прячусь в последней надежде.

* * *

Отдаю. Всё, что есть.
Человечеству. Небу. Земле.
Не скопил ни богатства, ни скверны.
Пусть считают за жест,
Но о жизни такой не жалел,
Все другие дороги отвергнув.

Не ношу с собой кладь:
Только давит на плечи и мозг,
Отнимает пространство и волю.
Пусть шагаю не в лад,
Но зато не пытаюсь насквозь,
Растяну путь и время подоле.

Я собою слышу,
И не важно, каким меня чтут,
Верю, что это всё не впустую.
Я живу наяву,
В мире разных затей и причуд,
Но зато не в борьбе и не втуне.

Начало света

Летал везде, искал начало света,
Лишь находил исток, и не один,
Никто не знал, ничто не знало это,
Когда и кто тот первый свет родил.

Хотелось бы понять, как это было,
Где, почему и что произошло,
Каким толчком, ценой каких усилий
Исчезла тьма — во благо иль во зло.

Скрывает время плотною завесой
Великого начала полотно,
Наверно, нет загадки интересней,
Но боязно взглянуть, что было до...

* * *

Дорога пахла лошадиным потом
И душу вытрясала до конца,
Упорно доводила тягмотой
И не всегда вела в родной посад.

Она прямилась, гладилась с годами,
Отжившее к обочине сместив,
И покорились постепенно дали,
Перечеркнув все старые мечты.

И все равно дорогу мы ругаем,
Когда летим уверенно по ней,
Лавируем в бензиновом угаре
Меж табунов взбесившихся коней.

Она смотреть в грядущее горазда,
А мы по ней тяжелым колесом,
Надежна и тревожна наша радость,
И растворяться в прошлом не резон.

* * *

Небо в красках.
Быть должно, к счастью.
Повезло
Или сам нашел.
И ничто красоты не застит.
Вот бы сделать еще шажок.

Улыбается небо рядом,
Ощущая со мной родство,
А на сердце такая радость,
От которой и сам расцвел.

Настроенье в меня вселяя,
Чувство новое не томит,
Велико лишь одно желанье,
Чтоб продолжился этот миг.

* * *

Как тяжело дышит русское пространство
В. Костров

Ищем равенство. И напрасно.
Разлетелась мечта, как дым,
Потому что все-все мы разные,
Но поверить никак не хотим.

Только сколько нам ни доказывай,
Мы стараемся быть, как все,
Носим дружно камни за пазухой,
Если что-то не то сосед.

Нет, неравенство нас не радует,
По известным пошлем адресам.
Наша лучшая демократия —
Сам с усам.

Валентина Колесниченко

Родилась в г. Бежецке. Стихи начала писать в школьном возрасте. Образование техническое. В 1987 году поступила в МГУ на факультет журналистики. С 1985 года работает в газете. Была редактором газеты «Сельмашевец», газет «Бежецкая новь» и «Бежецкий Верх», корреспондентом газеты «Бежецкий вестник», «Бежецкая жизнь», православным корреспондентом в Спасо-кладбищенском храме Бежецкого округа. Член Союза журналистов России.

Я — третье поколение крестьян

Я — третье поколение крестьян,
Живу с рожденья в малом городишке.
Я не вдыхала запаха семян
И о крестьянстве знала лишь по книжкам.
Мой пот не окроплял сухой земли,
И по ночам ладони не саднили,
И осенью, прощаясь, журавли
Печально надо мною не кружили.
Мне все твердили: «Сельский труд тяжёл,
Он — кабала, он — каторга, неволя,
И род наш от земли давно ушёл
Искать иной, счастливей этой, доли».
Я — третье поколение крестьян,
Я третий год поклоны бью земле.
О, как велик в судьбе моей изъян!
Я вижу предков горестные лица.
Они стоят, немые от стыда,
Что их потомки предали деревню,
И между мной и ними — борозда!
Прости меня, мой корень древний!

Я — третье поколение крестьян,
Я приучу потомков жить землею,
Мы вместе ликвидируем изъём,
И просветлеют, предки, ваши лица!

Три повести

Всё дожди да дожди —
Небывалое лето,
Мне твердят — подожди,
Не надолго ведь это.
Но терпения нет,
Надоела квартира!
Самый дальний билет
Я беру у кассира!
Дверь захлопнул за мной
Краснобокий «Икарус»,
И рюкзак за спиной —
Мне и компас, и парус.
Я на стройку спешу,
Так велит моя совесть.
Мастерком напишу
Свою первую повесть.
Минут осень, зима.
Изотрутся проекты,
Встанут буквы-дома
В чудо-строчки — проспекты.
И однажды весной
Вместе с первой птицей
Вдруг накатит волной
Шелест книжной страницы,
И тогда за столом,
Пропустив через совесть,
Я вторую, пером,
Напишу свою повесть.
Расскажу о друзьях —
Их ведь будет немало,
О великих делах,
О красивых причалах,
О таёжной сосне,
И речных перекатах,

И о новой весне,
И о новых ребятах.
А когда в жизнь войдут
Мои дети и внуки,
Моё дело возьмут
В свои крепкие руки —
Будет жизнь прожита
Не напрасно, на совесть,
Это будет последняя —
Главная повесть!

В монастыре

*Посвящается памяти преподобного Нектария Бежецкого
(По благословению благочинного Бежецкого благочиннического
округа протоиерея Ярослава Шведова)*

Всю ночь мела метель.
Большие волны снега
Катились из полей
До стен монастыря.
А в маленькой келейке,
Стоящий на коленях,
Молился древний старец,
За мир Творца моля.
Мерцание лампад,
Медовый запах воска
И строгий лик икон,
Чуть слышный шёпот губ —
Всё, что возносит душу
К невидимому Богу
По лестнице небесной
В таинственную высь.
А старец продолжал
Творить за всех молитву,
И словно пробивал
Свет кельи тьму ночи.
И все земные вещи
Исчезли в этом свете,
Исчезла и келейка,
Исчез сам монастырь.
Внезапно дивный огнь

Спустился на келейку
И пламенем своим
Монаха озарил.
И Старцу показалось,
Что он увидел Бога
В сиянии чудесном
Прекрасный дивный лик!
И Старец прошептал
С слезами и в волненье:
«Спаси нас, Отче наш!
Спаси от всех недуг,
И от греха спаси нас!»
Виденье растворилось.
Но сердце трепетало
От сладости любви.
Рассвета брызнул луч.
И видит старец стены,
И узкую кровать,
И почерневший стол.
Но сердце сладко пело
Творцу свои молитвы,
Покаянно взывая:
«Прости, Творец, за всё!»
Опять мела метель,
Вздымая волны снега,
Крутила из полей
До стен монастыря,
И в маленькой келейке
Перед иконой Спаса
Всё плакал древний старец
За мир, за всех молясь...
Вот колокольный звон
Благовестил обедню,
Заблудшим и усталым
Указывая путь.
Сквозь снежную метель
Стекались богомольцы
К стенам земного рая
В обитель, в монастырь.

Дождь

Дождь нещадно лупил зонты,
Вымочил всех прохожих.
Откуда, неистовый, взялся ты,
Казалось бы, в день погожий?
Куртёнка моя промокла насквозь,
За ворот стекают струйки,
Но с зонтиком всё же хожу я врозь —
Люблю свободные руки.
Дождь прекратился внезапно, вдруг,
Слышу его лишь звуки —
Зонта надо мной распростёрли круг
Мужские сильные руки.
Длинный, нескладный, он рядом шёл,
В такт семена ногами.
Было смешно, но так хорошо,
Что стали мы с ним друзьями.

Едкий дым от костров идет

Сплошь дымы от костров идут,
Искры тлеют и гаснут сами —
Это мусор весенний жгут
Непослушные бежечане!
Сколько раз говорить — нельзя
Жечь сегодня отходы быта!
Как об стенку горох слова,
Все инструкции позабыты.
Даже школьники, Боже мой!
Зажигалками шелк-шелк-шелк!
И бегу я сквозь дым домой,
Как флажками обложенный волк.
Пересохла гортань моя,
На глаза навернулись слезы...
Хотя б ты возмутилась, Земля!
Или вы, молодые березы!

С ветерком в ночную жуть
Ишь, как вызвездило небо,
Забелел как Млечный Путь.
С ветерком в старинном кебе
По нему б в ночную жуть
Пронестись и затеряться,
Заблудиться среди звёзд.
На Весах бы покачаться
И подёргать Льва за хвост.
Побеседовать с Пегасом —
Он давно сигналил нам.
Пообедать с Волопасом
Рыбой с Зайцем пополам.
После вкусного обеда
Повалиться на Щите
И в туманность Андромеды
Устремиться на мечте.
Под звучанье нежной Лиры
Неожиданно вздремнуть.
Вечерком с визитом мира
К Геркулесу заглянуть.
Покататься на Драконе.
С Близнецами песню спеть.
Погрустить об Орионе.
На Жирафа посмотреть.
Познакомиться с Персеем.
Он герой! — гласит нам сказ.
В схватке дочь Кассиопеи
От Кита когда-то спас.
Полюбил её, женился,
Тестем стал ему Цефей —
С царским родом породнился
Героический Персей.
А потом настроить Компас,
Отыскать обратный путь,
На прощанье с Водолеем
Из Ковша воды хлебнуть
И не в кебе, не в ракете —
На космической Стреле
Возвратиться на рассвете
К милой голубой Земле.

Галина Кукушкина

Родилась в г. Бежецке, закончила СШ № 1. После окончания Калининского государственного университета работала учителем русского языка и литературы в средней школе №1, вторым секретарем городского комитета комсомола. С 1984 года и по сей день работает в редакции газеты «Бежецкая жизнь». Стихи начала писать с 12 лет, печаталась в районной и областных газетах, в сборниках бежецких поэтов, в 2006 году выпустила сборник «Всё, что люблю». Член Союза журналистов РФ, почетный работник культуры и искусства Тверской области.

После грозы

Августовские грозы не так уж сердиты,
Словно вышел за лето гремучий запал:
Отгремит, отсверкает — и небо промыто,
Только радуги мост
краем в речку упал.

Августовские грозы прощальным салютом
Праздник лета закроют и стихнут вдали.
И простынут рассветы.
И с этой минуты
Затоскуют по южным краям журавли.

* * *

Сердце —

это не просто трудяга-насос,
День и ночь по сосудам гоняющий кровь.
Это горький приют для печали и слёз,
Это сладкий приют, где таится любовь.
Надо только наполнить его добротой,
Чтобы камнем оно не смогло зачерстветь,
И надеждой на счастье, и верой святой,
Чтоб кого-то сумело оно обогреть!..

На концерте

Мечутся, мечутся пальцы по струнам...
И не знаток понимает — талант.
Был он нескладным, неловким и юным,
Нас поразивший игрой музыкант.
Тёмный костюмчик,
 наверно, на вырост
Мамою куплен — широк, мешковат.
Щупленький, маленький мальчик вдруг вырос
И засветился десятками ватт.
И под высоким игры напряженьем
Билась рука, извлекая из струн
Музыку страсти, задора, сраженья!..
Был музыкант непростительно юн,
Но так по-взрослому чувства и звуки
Он в переборах гитарных мешал.
...Горечь финала... Упавшие руки...
И улетевшая к звездам душа...

Старое Сташино

Тихим светом название окрашено,
Хоть значенья его не понять:
Мое милое Старое Сташино,
Вот к тебе потянуло опять.
Здесь и детство, и юность прошедшие
Заблудились в ромашках навек.
Дни счастливые, дни сумасшедшие —
Невозвратного времени бег.
Здесь осталось так много хорошего
Под зелёною сенью берёз!
Мое милое светлое прошлое,
Дорогое до сладостных слёз!
Но уже не вернуться мне в Сташино,
Хоть и прежним остался маршрут:
В двадцати километрах от Кашина
Вся в акациях станция МЮД...

Балалайка

Поиграй-ка, пострадай-ка,
Символ русской старины,
Балалайка, балалайка —
Немудрёных три струны!
Разудала, бесшабашна,
Не даёт она скучать.
С балалаечкой не страшно
Горе-горькое встречать.
Широка и непонятна,
Словно русская душа.
С балалаечкой приятно
Радоваться,
 грусть круша.
С балалаечкой не стыдно
И в концертах выступать.
И порой ей так обидно
«Иностранцам» уступать!
...Вот опять смеётся, плачет,
Перебором душу рвёт,
В удали кручину прячет,
А как за сердце берёт!
...Светит месяц круторогий,
Тройка мчится, даль бледна...
Три струны —
 как три дороги,
И судьба —
 на всех одна.

* * *

Чем больше черпать из колодца,
Тем чище будет там вода.
И то, что людям отдаётся,
Не исчезает без следа.
Оно сторицей возвратится,
И Бог воздаст за доброту.
И сердце к сердцу устремится,
Небес приемля высоту!

Проводы

Рвёт гармоника сердце на части,
Словно мир и не знал тишины.
Вдоль обочины плачут по счастью
Наши бабы — солдатки войны.
А они всё уходят, уходят,
Растворяясь в дорожной пыли,
Не солдаты, не воины вроде —
Мужики от сохи, от земли.
Не обучены ратному делу,
Без винтовок ещё, налегке.
Пот струится солёный по телу
И слеза по небритой щеке.
А они всё уходят, не зная
Будет долог иль короток путь:
«Жди меня и надейся, родная!
Не забудь! Не забудь! Не забудь!
Жди меня!...»
А бурьян придорожный —
Весь от пыли и горя седой.
Над деревнею пахнет тревожно
Беспросветною чёрной бедой.
Рвёт на части гармоника сердце.
Бабы машут платочками вслед,
Не успев, не успев наглядеться.
А увидят ещё или нет?
Ребятишки толпятся в сторонке.
Страшно думать, что завтра всех ждёт.
...Через месяц придут похоронки,
А победа нескоро придет.

* * *

Этот тонкий тревожащий запах
Наступающей близкой весны!
На сосновых качается лапах
Шарик солнца.
И светлые сны
Ночью стылой, морозной приходят.
А как солнечно, радостно днём!

В сердце чувства проснулись и бродят,
Зажигая неярким огнём.
Пахнет влажной смолистой сосною.
У сугробов меняется цвет.
Пахнет в воздухе близкой весною,
Хоть пока ещё мало примет.
Но уже в снеговых колыбелях
И деревья, и травы не спят.
И в февральских колючих метелях
Колокольчики марта звенят.

* * *

Постучало Прошлое
 в дверь мою под вечер.
Мне бы не откликнуться, а пришлось впустить.
Обнимало Прошлое
 ласково за плечи,
Умоляло Прошлое
 взять да и простить.
Я бы и простила бы —
 дело-то пропащее.
Все довольны, счастливы, и удобно всем.
Но вошло хозяином
 в двери Настоящее.
Прошлое откланялось и ушло совсем...

* * *

Осколки неба —
 лужицы средь луга
В неровных рамках спутанной травы.
Дождём умылась пыльная округа.
Блестят ладошки тонкие листвы.
Цветы глядят так солнечно и ясно,
И воздух свеж и непривычно чист.
А жизнь —
 она немислимо прекрасна,
И каждый день —
 бумаги белый лист.

Сидело счастье на скамеечке:
Плечо к плечу, рука в руке.
И в позабытой детской леечке
Плескался лучик, как в реке.
Тянулся он от одинокого
Окна, горящего в ночи,
Где ждали милого далёкого,
И были слёзы горячи —
Несчастье плакало. Обидела
Судьба его в который раз.
А счастье этого не видело —
Оно не размыкало глаз,
Не расплетало рук.
Горячие
Два сердца бились — не унять.
Глухое счастье и незрячее —
Ему несчастья не понять!

Между Москвой и северной столицей
Есть милый сердцу тихий городок.
Здесь довелось когда-то мне родиться
И испытать рождение первых строк.
Здесь до сих пор на Липовой аллее
Свиданья помнит первые
 скамья.

Здесь я живу всю жизнь и не жалею,
Здесь дом родной и здесь моя семья.
Здесь я нашла и счастье, и тревогу.
Большой России малый здесь исток.
Через судьбу мою течёт Молога,
И дремлет в сердце тихий городок...

Александр Логунов

Родился в пос. Сонково. Два года проработал научным сотрудником в музее В.Я. Шишкова. Образование ср.-специальное (правовед, юрист). Сейчас студент 3 курса в Тверском филиале Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), факультет — культурология. Увлечения — краеведение, поэзия, путешествия, фотография. Стихи пишет с 14 лет, публиковался в газетных изданиях, участвовал в Каблуковских литературных чтениях и Молодежных слепневско-граднических поэтических встречах.

В иные дни

В иные дни мне явлен многоликим
Весь белый мир — высоким и седым.
Прозрачным янтаре разлитым
Блестит парк перед окном моим.
На ветках ивы паутины шелка —
Не разобрать наивнейший узор.
В такую осень золотого толка
Земля воплощена в собор.
Свечами мягко замерцали клены,
Им кажется: метели далеко,
А у реки осока бьет поклоны —
Ей на волне по-прежнему легко.
Лишь мне покоя нет и нет движенья...
Смотрю, как изменяется земля
И вижу в ней истоки Вдохновенья —
Великой силы мига бытия.

Звезда моя

Моя звезда укладывалась спать.
Ей голубь дикий пел, что всё спокойно.
Чудная ночь, заботливая мать,
Чуть слышно по песку ступала стройно.
В аллеях синих грелись голоса,
И девочка у моря тихо пела...
Звезда моя ушла за небеса,
Но многое согреть она успела.

Тени

Как тени сегодня роскошны!
Извилистые — тонки.
Они, как венки, грациозны
И траурны, как венки.
Ах, кто бы их выписал, листья,
По-доброму срисовал!
И может ли быть, что жил я,
А может, что только стал?

Возвращение в Россию

Навсегда уезжал из Крыма,
Всё мне весело было там.
Что-то тонко на сердце ныло —
Я по ярким скучал волнам,
По стволам побеленных акаций
И по стрекоту ста цикад,
По брусчаткам цивилизаций —
Их ничем не вернуть назад.
Но, когда я вернулся к дому,
Где над лесом летит гроза,
Улыбаясь родному слову,
Променяю все чудеса
На одно белоснежное облако.

Сегодня

Сегодня только ночь и ветер —
Шумит листва, трава шумит.
Темно, но дивно мир мой светел,
И дух мой, как маяк, горит.
И манит степь своей отвагой:
В дрожании её огней
Я вижу временность и шпагой
Готов оберегать людей.
На берегу — костры и лодки,
Не умолкают песни там.
На небе кружат звезды-четки,
Так я молюсь своим теням.
Смешно! Я знаю, что услышан
И даже, может быть, прощен...
Сегодня слышно — море дышит,
Я очарован, я — влюблен.

Три стиха...

Три стиха за полминуты славы —
Ничего, такая моя роль.
Собирать и тумаки, и лавры...
Голый, гордый и смешной король.
Получается, что далеко на север
Закатило тусклую звезду;
Мне бы на восток да в руки веер —
Там магнолия во всем цвету.
Море видеть не из трав понурых,
А живое, с горькою водой...
Жалко только бросить черно-бурых
Огненосных месяцев с тобой.
Будешь ли одна по перелескам
Собирать сгоревшую листву?
Осень не пускает к арабескам
Душу обнаженную мою.

Весть

Мне от скошенных синих трав
Долгожданная весть пришла,
Мол, от ветра устав забав,
Я опять, опять умерла.
Будет северный снова гнать
Белопенных шальных коней...
Я ушла, я не буду ждать,
И, прошу тебя, не жалеи!
Не печалься, так есть всегда,
Это, верно, таков наш путь...
Дней осенняя черед
С неба тянет сладкую жуть.

В сентябре

В сентябре волнуется море —
Там сиреневая вода...
У причала остались трое —
Я, волна да моя звезда.
И беседа пошла чуть слышно,
Слов летучие корабли.
Вот на небо зарница вышла
И пропала совсем вдали.
Мы на дивных древних наречиях
Разговоры вели о большом:
Небеса — о своих предтечах,
Я — о том, как построю дом.
А волна... Она молча качала
На себе рабочий баркас.
Я вскричал — звезда замолчала,
Тишиной наполняя нас.

Поэзия

Я, в четырех стенах бездомный,
Дышу, согретый тьмою дней,
И слышу голос приглушенный
Из-за невидимых дверей.
Ночь отражается в осколках
Разбитых солнцем городов,
Когда беру с хрустальной полки
Собранья самых милых слов.
В них явны песни океанов,
Зурны и девы золотой...
Передо мною мир титанов
И лунный лик передо мной.
Над перламутровой тетрадью
Склоняю голову свою
И вижу вымпелы над ратью
Да деревянную ладью.
Но только утро расплеснется
По белым линиям дорог,
Мой бедный дух домой вернется
И станет снова одинок.
До полночи...

До полночи еще двенадцать
И целый ворох тихих фраз.
Вот начинает подниматься
Туман... и мир сокрылся с глаз.
Чуть слышно крылья распростерли
В безлюдных парках тополя,
Луна восходит... Тени стерли
Сухую суть календаря.

Мне грезились... Из цикла «Россия»

Мне грезились облачный парус
Над чистым овалом пруда
И музыка медленных пауз,
Что в сердце звучит иногда.
Вдали, за зареченным бором,
В забытой столетней глуши,
Увидел над белым собором
Свой крест в утомленной выси.
Платок на соломенных косах
Еще промелькнет иногда —
Так хочется в северных росах
Найти золотые года.
Найдя, удержать, успокоить
Ту милую нашу черту —
Чужому за здоровье молит
Россия... А я помогу.

Образ

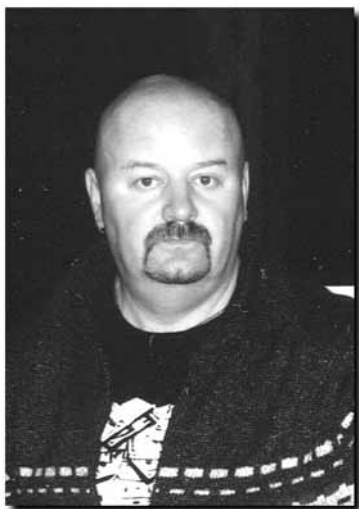
Семье поэтов и памяти Н.С. Гумилева

Образ... Я был там в синем костюме,
В стоптанных тапках, где целый мир.
В почти позаброшенном Богом трюме
Молча снимал пригоревший жир.

Кто-то когда-то уже это делал,
Может, не так, но похоже — жуть!
Шепотом скажут мне так, меж делом:
В пропасть под нами слабо шагнуть?

Только тогда, буквы стирая
Слабым движением левой руки,
Мы осознаем, сознание теряя,
Как были образы велики...

Иван Мельников

Родился в городе Бежецке, окончил СШ №2, музыкальную школу, затем Бежецкий машиностроительный техникум. 26 лет проработал на заводе БОЭЗ. Сейчас — индивидуальный предприниматель.

* * *

Городок небольшой, родной,
Прикипел я к тебе душой,
Здесь прожил я немало лет,
И милее тебя, краше — нет.

Здесь размеренной жизни ход,
Я встречаю с тобой восход,
Я люблюсь, горжусь тобой,
Стал ты нашей, моей судьбой.

Я хочу, чтоб ты вечно жил,
Я хочу, чтоб ты горе забыл,
Ты прекрасен своей красой,
Пусть не броской, но русской, родной.

* * *

Что-то тревожно на сердце,
Душу терзает печаль.
В жизнь закрывается дверца,
Время проходит, а жаль.

Сколько отмерено Богом
Нам еще «жизни пути»?
Нам не известно о многом,
Сколько ж осталось пройти.

Сколько нам жить на планете,
Сколько любить и дышать —
Всё это в строгом секрете,
Может, нам лучше не знать.

Может, нам жить каждым часом,
Даже секунду любя,
Всё ведь кончается разом,
Миг — вот и нет уж тебя.

Но я всем сердцем уверен:
Души не гибнут потом,
Мы это позже проверим,
Встав для суда пред Творцом.

И за грехи, и за благо
Будем ответ мы держать.
Что будет дальше? Отрада?
Или в аду нам страдать?

Если не хочешь мучений,
Мытарств и боли терпеть,
Честно живи, без сомнений,
Чтобы в огне не гореть!

Ведь доброта — это радость
И для людей — благодать.
Как же немного нам надо,
Чтобы потом не страдать...

* * *

Всего на свете больше не люблю я хама,
Когда орать он начинает во весь рот,
И как же много на земле такогохлама,
Когда же от него избавится народ?

Орет он потому, что нет культуры,
Ни совести, ни такта у него,
И, проявляя гниlostность натуры,
Он мелет и несет невесть чего...

* * *

Гляжу в твои глаза и замираю,
Я вижу в них далекий свет звезды,
Я знаю, я живу и умираю
Лишь для тебя, лишь для того, чтоб ты
Взглянула мне в глаза и подарила
Мне улыбку, лучик света,
Надежду, что ведет из темноты,
Я счастлив, и душа моя согрета
Сознанием того, что есть на этом свете ты...

* * *

Любовь огромная, как море,
Ты для души — священный дар,
Ты — радость, счастье, свет и горе,
Смятенье чувств, души пожар.

«Люблю», «живу» — два этих слова
Слились воедино для меня,
Я повторяю снова, снова:
«Ты солнца луч, сиянье дня».

Не верил я, что так бывает,
Что будто крылья за спиной,
Весь мир вокруг меня сияет,
Как сладко видеть образ твой.

* * *

Боже! Господи, спаси!
Сколько горя на Руси!
Наркоманы и воры,
И в селе пусты дворы.

С болью, грустью я смотрю
И о счастье я молю
Для страны и для людей:
«Ты поправься, не болей,

Родина, родная Русь!
Пусть скорей уходит грусть,
Пусть окрепнет мой народ,
Беды пусть переживет.

Хорошо должны мы жить,
Жить, работать, не тужить,
Крохи чтоб не собирать,
В детстве чтоб не умирать.

Не мешайте только нам
И воздайте всем ворами!»

* * *

Сколько судеб ты разбила!
Сколько б счастья в жизни было,
Если бы ни эта к зелью страсть.

Матери не плакали б в подушку,
И ребенок спал, обняв игрушку,
Не имея ты такую власть.

Сколько б детских лиц светилось,
Сколько б ругани, обиды, ссор забылось,
Если бы не водка, водка — мразь!

* * *

Вижу сердцем я, как будто наяву,
Вижу я глаза твои и губы,
Я люблю, а значит, я живу,
И пускай поют в душе погромче трубы!

Я целую каждый волосок,
Каждый пальчик, каждый ноготочек.
Бога я за то благодарю,
Что дал счастья, пусть совсем кусочек.

Оля, Оля, Оленька моя,
Ты бриллиант чистейшей, высшей пробы,
Я скажу от сердца, не тая:
«Пусть тебя минует чаша злобы».

Я хочу, чтоб жили долго мы,
Счастливо, как в старой детской сказке.
Ты не представляешь, сколь в душе,
У меня к тебе и нежности, и ласки!

* * *

Вот и стали мы на год взрослее,
Вереницею мчатся года,
Только чувства с годами сильнее,
Чувства крепнут — так будет всегда.

Что же двигает всем на планете?
Где моторчик, что двигает кровь?
Не держите вы это в секрете,
Это светлое чувство — любовь.

Ведь любовь — это чувство святое,
Это чувство нам Богом дано,
Это чувство, как небо большое,
Это чувство — к другому окно.

* * *

Я знаю, что судьба играет с нами в прятки,
Мы часто ищем то, чего и вовсе нет,
Всю жизнь решаем и решаем мы загадки,
Пытаясь у судьбы на всё найти ответ.

Зачем живем, зачем мы дышим, любим, ненавидим,
Зачем вообще нам Богом жизнь дана?
Идем по жизни, а ответа мы не видим,
И люди мучаются, как в былые времена.

Я думаю, что жизни смысл — отдать другому
Всё лучшее и доброе, что в сердце у тебя,
И никогда не уступать плохому, злему,
Отчаянно и яростно людей любя.

* * *

Опять осенняя природы круговерть,
Опять пожухли травы и луга,
И осень, повернув земную твердь,
Готовит нам белесые снега.

Уж птичьи стаи тронулись на юг,
В реке прозрачная, холодная вода,
Мы как-то все осиротели вдруг,
Забыв, что есть природы череда.

И в жизни тоже день сменяет ночь,
То радости наполняют сердце, то беда,
Но невезенья дни уходят прочь,
И улыбается вокруг нам всё тогда.

Мы знаем — дни осенние пройдут,
Минует время дней зимы суровой,
Опять весной в лугах цветы взойдут,
Природы плоть родится к жизни новой.

Алексей Николаев

Родился в Бежецке. После окончания школы-интерната окончил вечернюю школу, затем ПТУ. Работал электриком на молочном комбинате СОМ. Стихи пишет с пяти лет. Печатался в газетах города Бежецка, а также в коллективных сборниках поэтов.

* * *

У всего есть начало,
И всему есть конец.
Где-то птица кричала
Под названьем скворец.

Где-то стлались туманы,
Остужая наш хмель,
И на росной поляне
Заревел коростель.

Где-то нам улыбалась
Ясным ликом луна,
И на струнах качалась
Паутин тишина...

Где-то счастье стучало
В бубен наших сердец...
У всего есть начало,
И всему есть конец.

Сонет

Отражаясь огнями в Мологе,
Мирно дремлет мой Бежецк родной;
Берегут его древние боги,
С неба свет посылая благой.

Сколько раз, вспоминая в дороге, —
Ты порою неправ был со мной —
Отрекался в сердцах, но в итоге
Все равно возвращался домой.

Может быть, я когда-то звездою,
Как и предки мои, обернусь,
И ходить по воде неземною
Буду поступью, глядя на Русь.

А пока я живу, как могу,
Соловьем на твоём берегу.

Сонет

Царица роза, мак и василек,
Вы покорили мир очарованьем,
Но мне, друзья, понравился цветок
Совсем не с поэтическим названием.

У леса на краю, где солнцепек
Покончил с белым адом мирозданья,
Раскрылся мать-и-мачехи глазок —
На тропке, словно символ созиданья.

Пусть утверждают: желтое — к измене,
Но ты своей весне не изменял,
И в срок расцвел порою возрожденья,
И хаос дум гармонией поправал...
В борьбе двух сил ты доброй силы верх.
Тебя ль отринет беспощадный век!?

Святогор

Словно древний Святогор,
Я ищу земную тягу,
Только здесь не тот упор,
И не первый рвусь ко благу!

...Долго, коротко ли шел
По кремнинам и отрогам,
Не заметил Святогор,
Как вдруг кончилась дорога.

Тут и ухнул, точно в гроб,
Но успел Илье он силы
Поотмерить — столько, чтоб
Мать-земля его носила.

Как ни тужился Илья
Брата вырвать из полона,
Только крепче мать-земля
Забирала его в лоно.

Аж по телу кровь течет!
Словом, песня жизни спета.
Здесь Илье блюсти народ
Передал он эстафету.

Будут камень Алатырь,
Гроб и обручи в былинах...
Свят будь, древний богатырь,
Русь приведший на равнину!

* * *

*Памяти младшего лейтенанта
Василия Спировского, погибшего
9 мая 1945 года в Южной Силезии*

Эх, память-память,
Ты не только на войне,
Но и в тылу
Коварней автомата:
И женщина сползает
По стене,
Открыв конверт
Из горвоенкомата...

Победу празднует
Сегодня мир!
И надо же случиться
Вдруг такому:
В трех днях пути
И в трех шагах от дома
Весть узнает
От граждан командир...

«Там мины есть!..»
То враг прикрыл отход
В агонии последнего причастья;
Сапер умелый
Под свое начало —
Он верен долгу —
Взвод солдат берет...

За миной мина,
Вдоль обочин в ряд
Они ложатся:
(Козни супостата!)
А из окошка
Смотрит автомат,
Нацеленный
На юного комбата.

Эх, память-память,
Ты не только на войне,
Но и сейчас
Коварней автомата.
И душу,
Всё терзаешь душу мне,
Как бабке похоронкой
В сорок пятом!..

Самовар

Засвистели соловьи,
Выдали колено —
Побежали муравьи
Отсветов по стенам.

Никого не утружу
Разговором ярым;
Зимним вечером сажу
Подле самовара.

Самовар как самовар,
Но при том проказник:
В голове любовный жар,
А на сердце праздник.

Много песен у земли-
Родины заветных,
Только скромные твои
Вряд ли кто заметил.

Ты в быту, как божий дар.
И зовет деревня,
Есть там русский самовар —
Центр и пульс Вселенной.

Мнение

Придумал Герцен слово
«Перестройка» —
Действительно, нуждалась в ней
Страна...
Теперь: не перестройка —
Перекройка,
Всех нас, без исключения,
Нужна!

Гибель

М. Лермонтову

Медаль, свинцовая медаль
За ратный труд гвардейца —
Как благородно, господа, —
Навылет, прямо в сердце!

За то, что пуля не брала,
Что берегла чужбина,
Верней: враги, исчадья зла,
Не трогали акына...

У нас — Илья... У них — Аллах...
И общие скрижали;
Честь и понятия в горах
Тогда существовали...

В своем Отечестве палач
Нашелся по ранжиру;
Поэт правдив был и горяч,
Чванлив был сослуживец...

А в небесах Илья-пророк
Гремел мечом отмщенья...
И, как при жизни, одинок,
Поэт лежал в ущелье.

Светлана Орлова (Чубарь)

Родилась в Бежецке. Училась в средней школе №4. Приобретя профессию, вышла замуж за военнослужащего. Воспитывает троих детей. В свободное время пишет стихи. В настоящее время живет в Москве.

* * *

Бесконечный купол мироздания
Для меня окутан дымкой тайны.
Я здесь очутилась не случайно,
Мне об этом сны мои сказали.

Нас ведет любовь в туннели жизни,
Помогает забывать, прощать всё,
Верить в лучшее, в слова и обещанья,
Оставлять обиды и печали...

Слышать шепот падающих листьев,
Видеть красоту родной природы...
Все мои мечты чисты и ясны,
Благодарна я за это Богу.

* * *

Мы в жизни всё решаем сами,
Кого любить, кого казнить,
Кого скорей, чтоб не мешали,
К порогу дома проводить.

Мы думаем, что всё решаем...
Себя вещами окружаем,
В безумной гонке видя цель...
А за окном опять апрель.

А за окном лучится светом
Небес полупрозрачных высь,
Там все пути наши слились
В одну чудесную дорогу.

И как угодно будет Богу,
Так и случится. Надо знать,
Что только Господу решать,
Кого простить, кого казнить,
Кого к любви приговорить.

* * *

Прикосновение, даже не касанье,
Но изменяется души моей звучанье.
Струна дрожит и, кажется, порвется,
Прикосновение болью отзовется.
Прикосновение, где чуть-чуть притворства,
Немного творчества: творить легко и просто.
Струна дрожит, вибрирует, не рвется,
Прикосновение в сердце остается.

* * *

Любовь — это то,
Что между музыкой и тишиной.
Это когда не нужны одежды,
В обнаженной душе покой,
Тишина и такая нега,
Что слова тоже не нужны,
Когда руки, как крылья,
И ты летишь к небу далеко
От грешной Земли.
И всегда назад возвращаешься,
И всегда ждешь с надеждой,
С безумной тоской эту вечность,
Это мгновение
Между Музыкой и Тишиной.

* * *

В лабиринтах моей памяти
Блуждает твоя тень...

Вместе проводим ночь,
Вместе встречаем день...

В том месте, где стихла боль,
Осталась пепла пыль,
И я уже точно не знаю,
Что небыль, а что был.

Кажется, целую вечность
Целую тебя впотьмах,
Кажется, твоя тень
Оставляет поцелуя вкус
На моих губах.

* * *

Нежный голос скрипки
Растревожил сердце,
Не хочу я форте,
Не хочу я скерцо.

Я хочу пианиссимо,
И как можно тише,
Только б твои струны
Выдержали, слышишь?

Я хочу, чтоб души
В унисон звучали,
И в ночное небо
Вместе улетали.

Рождение мелодии

Татьяне Орловой

Преодолев земное притяженье,
Тебя уносит ветер вдохновенья,
И ты летишь всё выше, выше, выше,
Туда, где музыка, где всё любовью дышит.

И, растворившись в океане Света,
Ты впитываешь эту благодать,
Чтобы, вернувшись утром на планету,
Всё это в звуках людям передать.

Татьяна Орлова

Родилась в Бежецке. Училась в школах №4 и №1, окончила музыкальную школу им. В.В. Андреева. Приобретя профессии, работала в парикмахерской, в детских садах. Вся жизнь связана с музыкой – ВИА «Наша песня», «Дудари». Выступала с духовым и струнным оркестрами (руководители Ю. Меньков и А. Иванов). В сборнике представлены стихи для своих песен.

Колыбельная

Тихо на Землю спустилась Она,
Фея чудесных фантазий и сна,
Нам улыбнулась и звезды зажгла,
Месяц прекрасный с собой привела.

Смолкли все звуки,
Уснули в ночи.
Милый мой ангел,
И ты тоже спи.
В сказочный сон окунись до утра,
Добрая Фея стоит у окна.

Тихо, так тихо
Вокруг в этот час,
Фея ночи нежно смотрит на нас,
Дом наполняет ее Доброта,
Мир, и Любовь, и покой до утра.

Звезда Любви

Так много пройдено дорог,
Так много трудных дней,
Они преградой на пути
Встают, и всё больней.

Бьет ветер в грудь,
Нет силы петь Мелодию Любви,
Лишь только свет моей Звезды
Мерцает впереди.

Гори, Звезда, Звезда моей Любви,
Путь освещая, за собой веда,
И пусть не властны надо мной года,
Гори, пылай, моей любви Звезда!

Гоните прочь обиды боль,
Нам с ней не по пути.
Пока в сердцах звучит Любовь,
Нам жизнь велит идти!

Идти стремительно вперед
В мир звуков и цветов,
В мир ослепительной Мечты,
Туда, где ждет Любовь.

Пушай по миру пролетит
Мелодия Любви!
Упавших духом окрылит,
От горя защитит.

Сожжет всю ненависть и зло
Мелодия Огня,
Она, как та Звезда в ночи,
Сверкая, ждет тебя!

Мама

Сколько в жизни прожито, пройдено!
Было всё: и радость, и боль,
Но горит любовь в сердце женщины,
И хранит она тот огонь.

На роду ей было завещано
Охранять, беречь и растить,
На одних плечах русской женщины
Вся Россия наша стоит!

Мама, милая мама,
В сердце храним мы свет твоих глаз.
Мама, милая мама
В вечных молитвах за Землю, за нас.

Поседела, раньше состарилась
От невзгод и тяжких трудов,
Отдаешь себя на распятие
За Надежду, Веру, Любовь!

Сколько мужества и терпения,
Сколько силы в этих руках!
Наши матери, наши женщины,
Мы поем вам славу в веках!

Мама, милая мама,
В сердце храним мы свет твоих глаз.
Мама, милая мама,
В вечных трудах и молитвах о нас!

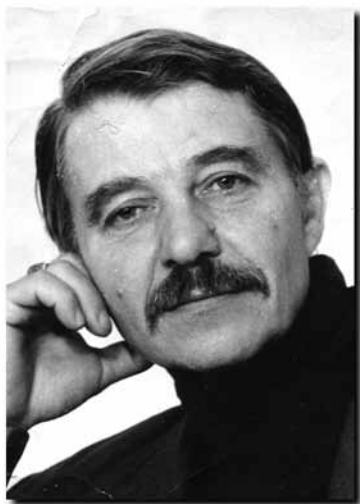
Как прекрасен этот Путь

Год за годом, день за днем,
К вершинам снежным мы идем,
Ты крепче руку, друг, сожми мою.
Нам заповедано судьбой
Хранить Любви святой огонь
И уберечь его любой ценой!
Взмывают горы, пропасть впереди,
Узка тропа, но надо нам дойти!

Как прекрасен этот Путь
От Земли до звезды!
Он сияет сквозь века
И зовет в мир Мечты!
Долгий, долгий Путь домой
От Земли к Небесам,
В звездный мир открыта дверь,
Но войти должен сам!

Горный путь — опасный путь,
Сумей с дороги не свернуть,
Смелей вперед, назад ты не смотри.
Пусть нам грозят со всех сторон,
И каждый злобой окружен,
Лишь ярче факел в темноте горит!
Ты крепче руку, друг, сожми мою,
Наш путь тернист, но я о нем пою...

Быстротечен жизни срок,
Пройти достойно свой урок,
Все сможем выстоять и победить!
Нам всем завещано судьбой,
По зову сердца в Мир иной
Идти и знание о Нем хранить.
Взмывают горы, пропасть впереди,
Узка тропа, но надо нам дойти!

Валентин Преображенский

Родился в Селижарове. Окончил филологический факультет Калининского государственного института им. М.И. Калинина. Журналист. Автор двух поэтических сборников. Лауреат ряда литературных конкурсов. Член Союза писателей России.

Звучал орган

Звучал орган
Высоко, многогласно,
Неся дыханье жизни и простор.
Еще аккорд —
И станет всё прекрасно,
Как из небес струящийся к нам взор.

Звучал орган
Так трепетно и нежно,
Что прихожане опускались ниц.
И те, кто лики созерцал небрежно,
Теперь стыдились равнодушных лиц.

Звучал орган
Светло и вдохновенно.
Мир обретал родное естество.
И чтоб оно осталось незабвенно,
Звучи, орган,
И празднуй волшебство!

Взгляни в мои глаза, весна!

Взгляни в мои глаза, весна,
Я полюбил твои рассветы,
Твои волшебные приметы,
Сердец блуждание без сна.

Встречай опять меня, весна,
Ведь ты такая же, как Лада,
Смеёшься, если солнцу рада,
А если тучи, ты грустна...

Я, как ручей твой, — рассмеюсь.
Я тенью стану, если надо.
Ты обжигашь, словно Лада,
Но разве я огня боюсь?

Неси мне песнь лучей, весна,
Твоя волшебная дорога
Коснулась нашего порога,
С сиренью шепчет у окна.

Живи во мне, моя весна.
Когда ж морщинки пробегутся
И годы грустью отзовутся,
Лишь ты спасешь меня одна.
Живи во мне, моя весна!

И пока не зовут на погост...

Три ветлы, три окна, три ступеньки,
И пока не зовут на погост
В чердаке, в сараюшке — веники
И охапки сена для коз.

Мы живем в беспокойной старости:
То нам небо грозит, то земля.
Но мои не отнимут радости:
Три ступеньки, а дальше — поля...

Дышит мир...

Вместе с запахом поля
Пробивается запах реки.
Чем не рай, и какое раздолье,
Да не едут косить мужики.

Три ветлы, три окна, три ступеньки
В деревеньке последний дом.
За него сулили ведь деньги.
Только как мне без этих хором?

Без родимой своей землицы
Мне и года не зимовать.
Вот сижу — вспоминаются лица:
Дочка... женушка... милая мать...

Всё ушло. Разве только племянник
Прикатит на своих «Жигулях»?
Да племянник давно уж не пряник:
Весь в заботах, как на углях.

Тесновато ему в деревне,
Скучновато с дедом сидеть.
Соберет для лягушки-царевны
Три ведерка вишен — и геть!

Отчего отзвенели песни,
Хороводы нигде не ведут?
Не пойму, что случилось, — хоть тресни!
Вдруг и в небе нас больше не ждут...

* * *

Посидеть бы у родника —
Я хотел быть таким же чистым.
Жаль, что жизнь так коротка
По деяньям своим и числам.

И копила страна наследство

За полой шинели Дзержинского
Детский взгляд забывал усталость.
В этом взгляде суровая искренность,
Воровских следов не осталось.
Солнце вновь подружилось с мальчишками.
Не гоняются хлопцы за башлями.
Жизнь пришла!
Вместо лагеря с вышками
Развиваются флаги над башнями.
Так и выжила в двадцать первом
Беспризорная часть России,
Встала в строй и стала примерной,
Стала верной и стала сильной.
От фашизма спасла Европу,
И в бою, и в труде победила.
Одевала рабочую робу
И в космический век входила.
И войной опаленное детство
Не забыло букварь детдома.
Накопила страна наследство
Поважнее всех акций Газпрома.
Но теперь, как хозяева пришлые,
За рубеж отдаем детишек.
Их признали бездомными — лишними,
Наших девочек и мальчишек.
Вам пришлось ли видеть в пристройках,
Где последний фонарь ослеп,
Как бомжи умирают в помойках,
А детишки там ищут хлеб?
Так зачем же опять шустрят
Про любовь и права человека,
Забывая российских ребят,
Что остались под чьей-то опекой?
...Мы поднимемся, станем сильными...
Наши зори мешают кому-то...
Но я верю, вернет Россия
Для детей своих светлое утро.

К тебе прижались, Русь

К тебе прижались, Русь,
А ей самой не просто,
«Живите, — говоришь им, — пусть
Спасет вас наш Апостол».

Живут ведь и живут,
Подчас почише нашего,
Наденет Русь хомут
И пашет, пашет, пашет.

В любые времена
Держала руку слабого.
Крепка была страна
Орла Кремля двутлавого.

Но что-то тут не так
Случилось на планете;
Пропил мужик пятак,
А закусить-то нечем.

Ах, дорогой мужик,
По нынешним-то меркам
Построят нам нужник
И чтоб без всяких зеркал.

Пристроят в сторожах,
Научат торговаться,
Собачиться в межах,
С соседями ругаться.

Да мало ли чего,
Теперь хомут не лезет...
А кто-то всё ж живет
И счастьем новым грезит.

И ждет других времен,
Отхлынут грязи орды...
Нельзя ронять знамен
Высоких, чистых, гордых!

Гроза

Пока ещё не гром,
Гроза не накопилась.
Но первые аккорды взял орган —
Небесная мелодия явилась,
Переполюня звуковой экран.

Синь отступала. Солнце в страхе билось,
Куда-то прячась в черную среду.
Чего боится? Ну скажи на милость!
С его лучами быть бы на виду!

Но в молниях уже звучат напевы.
Стена огня от неба до земли,
Как будто шлейф могучей королевы
Неведомые духи подожгли.

Гроза пришла раскатисто, раздольно
Звучал ее божественный орган.
Земля металась, вольно иль невольно
В ней пробуждался в судорогах оргазм.

Бил ливень, били молнии по лону,
И открывалось миру естество.
Деревья, травы кланялись с поклонами,
Органное вкушая торжество.

Рождался мир.
Всё заново рождалось:
И мрак, и свет, вода и клеток жизнь.
Превозмогая муки и усталость,
Роженица слышала: «Тужись»...

Лена Рудаева

Родилась в Бежецке. После окончания СШ №4 окончила филологический факультет Тверского государственного университета.

Работала преподавателем русского и немецкого языков, на радиостанции «Наше радио», в газете «Горожанин» в Твери, в рекламном агентстве «Бегемот» в Москве.

В настоящее время ведущая радиоэффира на «Радио-Бежецк».

Бессонница

Глухим тулупом свалится на плечи одиночество.
Меня сухими пальцами пришла пытаться бессонница.
Вовсю скребет щетиной тишина в замочной скважине.
Часы икают чушью bestолковой соразмерно.
Тяжел тюфяк, без пуха, прах недавних грез.
Ты знаешь, после нашего свиданья
Последний раз спокойно мне спалось.

Монетой в грошик брякали твои обеты верности,
Теперь на дне да в иле шерстяные кольца нежности.
На хрупких бледных ножках, посмотри, рассвет волочитсЯ,
А мне в ершистой простыни еще терпеть, ворочаться.
В короткий сон на час под утро мне упасть,
Поставив крест на всех воспоминаньях,
Как кляксу пухлой родинкой в тетрадь.

Бусы

на экране монитора
буду буквами
буду скобками
справа)
слов лава
обжигала
скобки слева (
я болела

я блевала
сожалела
бусинами букв
гремела
нитки бус
рва-ла
ре-ве-л-а
рас-те-р-я-----л----- а

* * *

Черный с рыжей
Повелись —
Черт и бестия.
Рок попутал нас с тобой.
Мракобесимся.

Черный с рыжим
повились
На подушке волосы.
Свет из окон проступал.
Успокоились.

* * *

Быть твоей тайной,
Быть твоей музой,
Мякотью сочной, яркой, арбузной
Под самой обычной футболкой в полоску,
С утренним хвостиком тощим.

Разрезу острых ласк
Распахнута навыворот,
Прочитанною книгою,
Питаю витаминами.

Изъедены кромки.
От корки до корки.
Сок по подбородку.

Влип — грешна.
Ягода
Вкусна.

* * *

Успокаиваю: успокоилась.
Встречи лак облупила с ногтей.
Я не тронула и не тронулась,
Я щеки не коснулась твоей.

Наша встреча — оторванной пуговицей,
Мясо ниток щекочет ладонь.
Горло чье отрыгнет мне: «Преступница»? —
Я плачу за семейный покой.

Жизнь — женского рода

В это слово, будто в пупок,
завязано всё чудо мира:
непостижимо
женско, родово.
Счастье юное,
желторотое.

Прошлое

прошлое — крошево
плохого хорошего
стынет окрошкой
бродит квасцом

прошлое крошками
цепкими вонзкими
выстлало полость
кармана пальто

прошлое кошками
скребет под окошками
мурашки подкожные
пес не спасет

прошлое пешками
ходит с усмешкою
с наголо шашкой
по Фрейду ферзем

прошрое ложками
лаптями пригоршнями
хлебаю вприкуску
с сегодняшним днем

Сыта!!!
жито сжато
пережито пережато
перемелено
жернова
вращаются
медленней.

* * *

Серпом ладони жни мои печали —
Потребность в ласке власти утоли.
Вот две руки — твои! — как две скрижали.
В завет от Бога влюбчивы зрачки.

Не жнец, а жрец. Пучок сухой полыни
Не сжал, а сжег — лишь пепел по ветру,
Губами льну к ладоневой долине
и благодарность не дарю, а пью.

Бомба

Тикаю стихами,
В буковки стекаю,
Разорвусь — стихией.
Разорусь: стихи — я.
Разорвусь — стихаю.

Ток идет
по проводочкам.
Граи стаи тают
Точкой.

Марине Цветаевой

Марина Ивановна, милая!
Позвольте назвать Вас Мариною,
Позвольте прильнуть мне к рябиновой кисти,
Закладкой лежащей в двадцатой странице.

Но как мне не вспомнить, прочувствовав гроздь,
Презренный, священный елабужский гвоздь,
Где глаз близоруких немая могила.
И верно, там куст, ну а рядом — рябина.
Марина!

* * *

Без воды в пути
В никуда идти:
Без родной петли
Из твоей руки,

Без колодца рук
Мой источник сух:
Пересохших губ
Неслышим звук.

От угла локтей
До угла бровей
Я в окошко — пей! —
Мой источник — бей! —
Острием гвоздей!

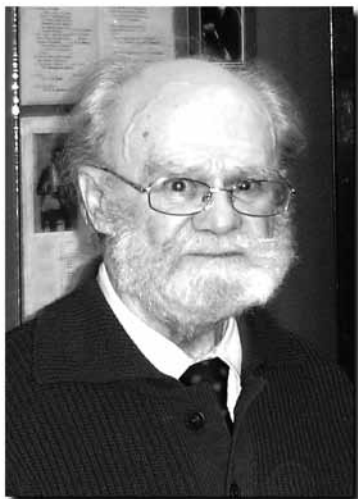
* * *

Мы звали друг друга «Милая», «Милый»,
Мы были с тобой две половины
Яблока
С червоточиной чувств экологически чистых.

Прожорливо и запоздало
Едала
Наши бока гнильца,
Но не было дороже для меня лица.

Пыльца, пыльца, пыльца, пыльца,
Цветочки, ягоды —
Эдемовское яблоко.

Юрий Сазонов

Родился в Ленинграде. Пережил блокаду. Сразу после войны поступил в педагогическое училище и, закончив его, стал работать учителем, одновременно продолжая учиться заочно на филологическом факультете Ленинградского университета. После окончания Ленинградского театрального института более 30 лет работал режиссером и актером в разных театрах страны. Ветеран войны и труда, житель блокадного Ленинграда. Заслуженный работник культуры России. Стихи начал писать во время войны.

* * *

И никакой печали!
Вдруг словно чудо открылись
Краски,
 что в листьях таились,
Кажется, не вчера ли!
Абрикосово-желтые дали
В мягком солнечном свете,
В листьях пестрых
 купаются дети,
И никакой печали!
Птиц озабоченных стаи
В сини, согретой золотом.
Мы не становимся
 старыми,
Мы еще больше молоды.
И никакой печали!

* * *

Прекрасен белый лист,
И сколько раз об этом
Художником писалось
и поэтом —

О том,
как первозданен он
и чист.

Пишу,
боясь нарушить чистоту,
Из сердца нотки выбираю,
ибо

Ищу строку
правдивейшую ту,
Которой бы промолвил ты:
«Спасибо».

Михайловское

Вдали от царского двора
В Михайловском свистят метели,
Звонят весенние капли,
Свеча мерцает до утра.

И блеск, и шик столичных балов,
И шум пиров, и звон бокалов —
Всё это на краю земли,
От милых псковских мест вдали,
Где явь, похожая на сон, —
Вдруг колокольчика трезвон,
Зажженные в гостинной свечи,
Короткая отрада встречи.

Пусть лишь в работе вечера,
От друга только письма пусть,
Благословенны труд и грусть
Вдали от царского двора.

Весенняя вода

Сверкает и поет, клокочет в горле
Веселых улиц вешняя вода...
Пришла весна!
И просятся на волю
Закованные в камни города.
И кажется порой —
 прорвет плотину,
Поля земли объятая распахнут,
И все дома торжественно,
 картинно,
Как корабли, полями поплывут.
А им навстречу, вскинув
 ветви-руки,
В воде по пояс —
 тонкоствольный сад.
Над крышами — сверкающие
 дуги
Под желтым солнцем радуги
 висят.
Клокочет и поет, спешит
 куда-то
Весенняя, веселая вода...
Стоят как рыцари в тяжелых
 латах
И греются на солнце города.

Тост

Я.В.

Твой сегодняшний хороший тост
За цветы — стихи земли,
Это так и радостно, и просто,
Как прикосновение руки,
Как искринка золотая глаз,
Мимолетная, в часы печали,
Как последний лучик в облаках,
Проплывающих в молчанье;
Как сработанные стертые слова,
Прежние понятия облетели
Лепестками старого цветка
От твоих, как ветерок, весенних.
Всем нам стало хорошо и просто
От одной строки стиха.
Я хочу, чтоб поднимали тосты
За цветы, улыбки, облака.

Л.В.

Отсюда нету даже поездов...
В тени карабкаясь среди нависших
 скал,
Меня сюда автобус доставлял
Вдаль от огней и шума городов.
Вдаль от тебя...
Какая всюду тишь
Стучится в сердце мне,
 покоя не давая...
Ты говоришь со мною,
 засыпая,
Иль, может быть, как я сейчас,
 не спишь?
Не спи, пожалуйста,
Давай поговорим.
Услышу через сопки твое слово.
Его природа повторить готова —

Синь звезд прозрачна,
воздух недвижим,
И горный ручеек воркует лишь...
Я расстояние это сокращу,
Переболею и перегрушу,
Мне б только знать,
Что ты сейчас не спишь...

Лиде

Ведь это ты той весной,
черемуховой, звонкой,
Пошла в просторы синие со мной
еще почти девчонкой.
Ведь это ты построила наш дом,
дом детских глаз, приветов
и уюта,
Двенадцать лет мы в нем
вдвоем,
А всё мальчишка и девчонка
почему-то.
Ту радость мая ты взяла с собой,
весенний запах первой встречи,
И пусть не девичьей пушистою косой
ты прикрываешь плечи,
Такие же любимые глаза
чуть-чуть серьезней, сдержанней
и строже...
Ведь не одна прошла гроза,
И это было наше тоже.
И в эти дни черемуховый цвет
Нам светит молодо,
приветливо и звонко —
Нам словно не по тридцать лет —
Мы те весенние
мальчишка и девчонка.

Другу поэту Ю. Воронцову

Я по чудикам грущу,
Всюду чудиков ищу
Час за часом, год за годом —
Нету чудиков нигде...
Я уже в очках солидных,
При солидной бороде.

Где ты, друг мой стародавний,
Милый, добрый мой чудак?
Нашу юность-непутевость
Не забудем мы никак.

Я по чудикам грущу,
Всюду чудиков ищу.
Выключаю телевизор:
Очень правильные там,
И хожу по разноцветным,
По загадочным домам.

Разговоры завожу,
Вглядываюсь в лица —
Может, чудик невзначай
Сам разговорится.
Будни, лица, кутерьма...

Руку, чудик! Где ты?
Как вопросы все ясны,
Как ясны ответы!
Я по чудикам грущу,
Всюду чудиков ищу...

Любовь Семёнова

Родилась на Урале, в небольшом рабочем городе Первоуральске на реке Чусовой. Стихи пишет всю сознательную жизнь. В молодости пять лет занималась в литературном объединении им. М. Пилипенко при редакции областной молодежной газеты. Самое ее огромное достояние — три дочери и сын. Летом 2012 года переехали в деревню Заручье Бежецкого района. Стихи ранее публиковались.

Расставание

Неприметной вехою
В жизненном пути —
Тоненькою веткою —
Мимо не пройти...

Промелькнула молния
Чередой лет,
Из огня да в полымя —
Лишь по небу след!

А дорога пыльная
Прямо на закат:
Не запомнить имени.
Не вернуть назад...

Вот и всё окончится:
Было или нет,
Сохрани, Околица,
Этот дальний свет...

Заново

Прогони меня — я не уйду!
Я останусь рядом лёгкой тенью!
Подниму упавшую звезду,
Обращу её в стихотворенье...

Подарю его твоей душе...
А любовь... Она не умирает,
И, родившись заново уже,
У иконы свечкой догорает.

Позови меня — я вновь приду!
Закружу, согрею, одурманю!
Только не солгу, не подведу
И обманом сердце не пораню...

Детство

В рамке оконной
Неба бездонного
Сине-белый кусочек,
А на нем голубочек.
Где-то за домом
Прячется солнце,
Зайчиком знакомым
Скачет по оконцам.
Славная картинка,
Не наглядеться.
Там по тропинкам
Бегают детство.
Рыжее, в конопушках,
Волосы копной.
Детство, послушай,
Возьми меня с собой!

Предосенний рассвет

Лета уходящего тепло
Оставляет золото в берёзах.
Вот и солнце над селом взошло,
Утопив траву в холодных росах.

Не играет речка серебром,
Окружив туманом побережье,
И звенит бубенчик за селом,
Словно отголосок лета нежный.

Паутинка в капельках янтарных
Удержать пытается напрасно

Лета уходящего подарок —
Листиком осины ярко-красным...

Страстная...

Печалью теплится закат
На стенах старенького храма,
Сейчас, как сотню лет назад,
Блеснув лучом в оконной раме.

Со звонницы колокола
Не просят миру покаянья...
Лишь ровным рядом тополя —
Как нищие за подаяньем.

Закат, разлив прощальный свет,
Согреет голую аллею,
Где хрупкой веры робкий след
Печальным лучиком алеет...

Потоскуй-травя

Потоскуй-травя, дай мне силушки
Одолеть тоску-муку вечную,
Позабыть тебя, друга милого,
Друга-недруга, боль сердечную.

С потоскуй-травы я напьюсь воды,
В дальний лес уйду — не вернусь назад,
Там густа травя, там нежны цветы,
Небо синее, как твои глаза.

Упаду в травя, обниму цветы,
Загляну в глаза неба синего,
Прошепчу слова, чтоб услышал ты, —
Не хочу забыть друга милого.

Потоскуй-травя на губах горит,
На губах, тобой не целованных,
На щеке моей не слеза блестит —
Капля той воды заколдованной.

Пусть кружит дурман буйну голову —
Разобью кувшин с колдовской водой,
Лучше ночь без сна, муки полная,
Чем в разлуке быть навсегда с тобой.

Зимние свадьбы

Вот и кончилось лето короткое бабье,
И дождями заплакал октябрь, уходя.
Скоро грянут морозы, и зимние свадьбы,
Пробуждая народ, по церквям загудят!
Колокольные звоны в широкое поле
Резвой тройкой умчит перезвон бубенцов,
Где, для пылких сердец открывая раздолье,
Белоснежный покров расстелила любовь!

Свеча

Свеча. Сожги ее дотла!
И пусть, пока огонь горит,
Растает след чужих обид —
Душа добреет от тепла.

Тебя пытаюсь отогреть,
Я твоего коснусь плеча,
Чтобы в душе твоей свеча
Не уставала бы гореть.

Возьми улыбку и добро,
Отдай мне горечь и печаль,
И с уст своих сорви печать,
Чтоб людям слов дарить тепло.

Мой хрупкий мир

Мой хрупкий мир, как капелька росы:
В нём солнца свет и радуги сиянье,
И горькое отчаянье слезы,
И радости рожденья мирозданья!

Мой хрупкий мир на краешке листа
Качается под лёгким дуновеньем,

И кажется, что истина проста:
Сорвавшись, разобьётся на мгновенья...

А я мой мир любовью обниму
И верой укреплю, что жизнь прекрасна!
Он самый совершенный потому,
Что каждая росинка не напрасна!

Я люблю тебя

Я люблю тебя!
Крик над пропастью...
Я люблю тебя
В безысходности...
С тихой нежностью
В исступлении,
Краткой вечностью
И мгновением,
В бесконечности
Душу мающим,
Неизвестностью
Обжигающим!
Как в последний миг,
Я тебя люблю!
Как рожденья крик,
Жизни на краю...

Юности забавы

Ну, вот и всё. Окончен вечер.
Прощальный вальс. И гаснут свечи!
И шелест платьев, стук дверей,
И вниз по лестнице скорей,
Туда, где ветер и свобода,
И звёздный купол небосвода!
Где скрип полозьев, храп коней
Да ширь бескрайняя полей!
Ничто так юности не мило,
Как быстрый бег, степной простор,
А после около камина —
Неторопливый разговор.

Александр Соколов

Родился в деревне Веселовка Максатихинского района. В 1985 году окончил среднюю школу № 6. В 1986–1988 гг. проходил воинскую службу в группе советских войск в Германии. Окончил исторический факультет Тверского государственного университета.

Работал учителем истории средней школы № 6 города Бежецка.

В 2004 году возглавил педагогический коллектив МОУ СОШ № 5 имени Л.Н. Гумилева — школы с богатой вековой историей.

Деревенская осень

Пролетела летняя пора.
Птица-осень на землю спустилась.
Отшумев, природа замерла,
В тишину туманов погрузилась.
На задворках засыпает лес.
Мелкий дождь стучит по дранке крыши,
Говорят, в природе нет чудес,
Может быть. Шуршат под снегом мыши.
Неуют, осенний неуют!
Плачет небо песней журавлиной.
На полях скотину не пасут,
День короткий стал, а ночи — длинные.
А в избе — уютно и светло,
Пахнет молоком парным и хлебом.
Бабушка затопит печь. Тепло.
Как любил гостить я в доме этом!

Родина

Есть родина у каждого из нас —
Где ты родился, где твое начало,
Там, где младенцем мать тебя качала
И песню напевала в тихий час.
Есть родина у каждого из нас,
Где первый шаг свой неумело сделал
И слово, что в груди своей взлелеял,
Несмело произнес ты в первый раз.
Есть родина у каждого из нас,
И места нету на Земле роднее...
Хоть мы живем, становимся взрослее,
Но не стареет родина для нас.

Кому была нужна война?

Кому, скажи, была нужна война?
Как объяснить, что мать с тех пор без сына?
Приходит ночь, а ей всё не до сна...
От этой мысли даже сердце стынет.
Кому, скажи, была нужна война?
Нет, пули не свистели надо мной —
Я не был там, в горах Афганистана,
Но скорбь по тем, что не пришли домой...
Афганистан для нас — живая рана,
Кому, скажи, была нужна война?
Мы заклинали много лет подряд,
Что не должно такое повториться,
А в это время уносил снаряд
Друзей, и меркли молодые лица...
Кому, скажи, была нужна война?

Двадцать лет

Двадцать лет, словно ласточек двадцать,
Пролетели и скрылись в закат.
Что-то грустно сегодня мне, братцы!
Я хочу оглянуться назад,
Дверь открыть в недалекое детство,
Что-то вспомнить, о чем-то забыть.
Наша память — чудесное средство,
И она помогает нам жить:
Трезво взвесить, что сделал — не сделал
И тропами какими бродил.
Может, доброе семя посеял,
А быть может, его загубил.
Может, что-то не так где-то было?
Может, юность негромкой была?
Та девчонка, наверно, забыла,
Та поляна давно заросла.
И писал я не так, как хотелось,
Рифма смысл закрывала порой.
Но всегда очень искренне пелось
О моей деревеньке родной.
Здесь родился, мое здесь начало.
Ее образ со мной с детских лет.
Разве песня моя бы звучала,
Если б мне не сиял ее свет?!

* * *

В твоей руке дрожал кленовый лист,
Стучало сердце нежно так, с любовью.
А небосклон был идеально чист..
Твоя ладонь была с моей ладонью

Повенчана. Сквозь кружево берез
Играло солнце с нашими глазами.
По коже легкий пробежал мороз,
Нам оставляя счастья миг на память!

Посвящаю моей маме

Соколовой Антонине Макаровне

Я знаю, что меня ты очень ждешь
День ото дня, тая в душе тревогу.
Цветут сады, осенний сеет дождь —
Всё смотришь ты с надеждой на дорогу.
А я не стану время торопить,
Служить стараюсь честно, по уставу,
Армейских дней напряженная нить —
Во имя мира, жизни, а не славы.
Ты не грусти, родная: срок придет —
И я вернусь. Ты мне откроешь двери.
В глазах слеза жемчужиной блеснет,
Ты в грудь мою уткнешься, не поверив...

* * *

Мне казалось, осень тихо уходила,
Только вот куда — никто не знал.
Мне тогда казалось, ты меня любила,
Но об этом только я мечтал.
Облетали листья, в воздухе кружилась
Осени золотая карусель.
Но зачем, скажи мне, ты ночами снилась?..
Всё когда-то было, а теперь...
Дождик льет осенний, холодно и сыро,
По дорогам просто не пройти.
Дождиком, наверно, всю любовь размыло
Так, что и следочка не найти.
Улетают птицы, а на крыльях — счастье,
Оставляя нам с тобой печаль.
Но надеюсь всё же, что пройдет ненастье —
Ведь уносит ветер тучи вдаль.

Забытая деревня

Мне больно писать эти строки
О милой деревне моей.
Стрекочут трещотки сороки
Над легким дыханьем полей.
Притихла моя деревушка,
Гармонь не поет у реки,
Не выйдут из дома старушки,
В окне не мелькнут старики.
Давно опустевшие хаты...
В них русская удаль жила.
Да... было всё это когда-то,
Но времени вьюга смела.
Смела, разметала по свету
Знакомые лица сельчан.
Иных и в живых уже нету..
Цветет на усадьбах бурьян.
Но стены-то помнят, всё помнят:
Кто строил, кто жал и косил,
Кто в жаркий июньский тот полдень
Страну защищать уходил.
Поэтому с болью на сердце
Пишу о сегодняшнем дне:
Деревне Веселовке, Сельцах —
Родимой тверской стороне.

* * *

Опять меня полночь застала
С открытым блокнотом в тиши.
Под стеклышком пламя мерцало,
И лампа горячею стала.
А я всё писал для души.
Писал и вычеркивал, снова
Писал, исправлял и молчал,
И каждое, каждое слово
В глаза мне смотрело сурово,
А я его взглядом ласкал.

На родине

Здесь уют, спокойствие и тишь,
Здесь райских птиц чарующие песни.
И ты средь этой красоты стоишь.
И края нет роднее и чудесней.
В который раз сюда приехал я:
И песня обрывается слезою,
И тихо плачут травами поля —
Родной мой край, поговори со мною!
Смотрю на нескошенные луга,
Заброшенные хутора, деревни.
Не по-крестьянски сметаны стога —
Дымятся по утрам и в час вечерний.
Моя деревня — детства уголок —
Среди лесов как будто заплутала.
Изба пустая, на двери замок.
Веселовка, что ж не веселой стала?
Что ж петухи, как раньше, не поют,
Калитка не скрипит, людей не видно?
И лишь моторки на реке ревут...
Ты сирота. И больно, и обидно.
Я был последним, кто родился здесь,
Кто здесь чему-то в жизни научился.
И боль, и гордость в этих строках есть.
Последний я из тех, кто здесь родился...

Умейте ждать

Умейте ждать, надеяться и верить,
Друзьям умеете двери открывать.
Судьба разбита — постарайтесь склеить,
Но никогда не смейте добивать.
Умейте верить людям и природе,
Умейте зло на сердце не таить,
Умейте ждать, когда проходят годы,
Умейте просто искренне любить.
Давайте вместе радоваться жизни,
И вместе, коль придется, горевать.
Судьба моя в твоей судьбе, Отчизна, —
Об этом я не вправе забывать!

Алексей Сумелиди

Родился в Грозном. Окончил Грозненское музыкальное училище и Ростовскую государственную консерваторию им. С.В. Рахманинова. Является профессиональным композитором, автором произведений в различных жанрах академической музыки. Поэтическим творчеством занимается с начала 80-х годов. Переехал в Бежецк в 1996 году. Участвовал в поэтических встречах и музыкально-поэтических концертах в Бежецке и Твери. Член Союза композиторов Российской Федерации.

Пою Россию

Пою Россию —
Сказок и преданий,
Соборов, звонов колокольных,
Песен чудных, что на зорьке ранней.

Пою Россию —
Истинно великого народа,
От супостата спасшего ее
В лихие приснопамятные годы.

Пою Россию —
Ту, что в годы смут,
Разрух и социальной бури
Мечтала о прогрессе и культуре.

Пою Россию —
И хочу в Россию верить,
И жить хочу — Россией,
И себя — Россией только мерить.

* * *

Городок наш небольшой,
Прилепись к нему душой:
Полюби ворон и галок,
Полюби котов бывалых,
Полюби зеркальность луж,
Полюби морозность стуж,
Полюби реки течение,
Полюби церквушек пенье,
Полюби весной скворечник,
Полюби старушек здешних,
Полюби цветной закат,
Полюби громов раскат,
Полюби кустарник ломкий,
Полюби людей негромких,
Полюби дымы из труб...

Полюби — сам будешь люб.

* * *

Дела и дела. Живу на бегу —
Как будто сегодня пожарище.
Я лишнего часа терять не могу,
Оставьте мне время, пожалуйста!

И завтра дела. Всё куда-то бегу,
Довольствуюсь крохами, малостью.
И больше минуты терять не могу,
Оставьте мне время, пожалуйста!

И вечно — дела! Вечно — жизнь на бегу!
Лишь это, наверно, осталось мне.
Я больше, чем жизнь, потерять не могу,
Оставьте мне время, пожалуйста!

Провинциально-автобиографические строфы

Мне нравится жить в провинции
И даже в деревне простой:
В провинции стали провидцами
Лермонтов и Толстой.

Пушкин, Ахматова, Бунин
Воспели ее красоту.
Так пусть же провинция — будет!
Возлюбим ее простоту!

В ее простоте много смысла,
И мало случайности в том,
Что те из провинции вышли,
Кто славил ее потом.

Но это не главное даже,
Важнее — как сутью своей
Весомое слово скажет
Она для России для всей.

И слово то будет в России,
Как благовест, долго звучать;
Провинция — словно мессия,
Ее не заставишь молчать!

...Мне нравится жить в провинции
И даже в деревне простой,
Не будучи вовсе провидцем,
Как Лермонтов и Толстой.

Когда состарится душа

Когда состарится душа —
То будет, верно, очень поздно
Жалеть о жизни несерьезной,
Моля о чем-то Бога слезно:
Уже состарилась душа.

Когда состарится душа —
Излишни станут размышленья
О тех поступках и решениях,
Что вызывают сожаленье:
Уже состарилась душа.

Когда состарится душа —
Забыть захочется о многом,
Не ставшим вовремя уроком,
Жизнь обернувшим неким сроком:
Уже состарилась душа.

Когда состарится душа —
О прожитом вздыхать не стоит,
Ведь воздыхание такое
Простую истину не скроет:
Уже состарилась душа.

* * *

Я бы хотел уподобиться дереву:
Строго расти, мудро молчать,
Неба касаться кроною трепетно,
Корни — в земле глубоко ощущать.

Жить под дождем, жить под солнцем, жить веруя
В жизни закон, что не ведом иным...
Стать я желал бы когда-нибудь деревом,
Может, и буду когда-то я им.

Кое-что о смехе

Излишняя насмешливость,
Ирония излишняя —
Есть просто антивежливость,
Есть просто неприличие.

Кто смело расхохочется —
Живет для всех в открытую.
Ну а к иному просится
Ухмылочка извитая.

Присмотришься внимательно —
Змеист тот смех окажется
И только отрицательно
На душах наших скажется.

Ему противоядие
Найти, пожалуй, сможем:
Для всей «змеистой братии»
Здоровый смех закланием,
Здоровый смех проклятием
Является хорошим!

* * *

Чтоб немного измениться,
Надо очень постараться.
Чтоб себе плохим казаться —
Надо очень захотеть.

Если сделать себе больно,
Стать собою недовольным —
Чудо может совершиться:
Совесть можно заиметь!

Творчество

Художник замечтался у реки...
Мечты его отсюда далеки:
Художник хочет горизонт объять,
Непостижимое пытается понять.

Художник просит силы у небес,
Художник носит в сердце сто чудес,
Художник набирается ума,
Художнику помощник — жизнь сама.

И вот художник зажигает костерок,
Берет художник в руку мастерок,
Художник начинает колдовать,
Художник забывает есть и спать,
Художник ищет вечный идеал,
Который сам же прежде и создал.

И вновь он хочет горизонт объять,
Непостижимое пытается понять,
Художник собирает доброту,
Художник созидает красоту.

* * *

Посмейся над своими недостатками, поэт!
(А может, у тебя их вовсе уж и нет?)

* * *

Ненавижу выпренность,
Выбираю — искренность.

* * *

Лгать стихами — хуже дела нету,
Оттого-то прозой пишут и поэты.

Александр Тихолаз

Образование — высшее, психологическое. Является заведующим сектором музыкально-поэтического самодеятельного творчества. Признанный бард, успешный самодеятельный музыкант-гитарист, поэт, неизменный активный участник всех общественно значимых проектов Молодежного центра. Регулярно организует ВИА и дуэты авторской песни, добивается с ними заметных результатов. Пользуется заслуженным авторитетом в коллективе за преданность творчеству, бескорыстие, широту кругозора.

* * *

Огонь в блистающем пространстве —
Так льётся сверху белый свет.
В ручьях дробится в танце странствий
Победный враг болей и бед.
И взгляд затягивает выше
Обычных линий бытия.
И от свободы стало тише.
Беззвучные события.
Нальётся в чашу столько силы,
Что горизонта не узнать.
Ты так давно меня просила
Тебе ту силу показать!
И вот, готовый к искупленью,
Пред Богом, пред самим собой,
Я стану яркой синей тенью,
А он — пылающей звездой.
Ты стой тогда, лови мгновенье,
Прими всё чудо на себя.
Беззвучной жаркой птицы пенье —
Любви за гранью бытия.

* * *

Я слишком тяжел для неба.
Я слишком свободен для ада.
Я живу там, где плачет верба.
Там проходит моя автострада.

Я оглох от бесстыдства и бреда.
Я не чувствую запаха смрада.
Знаю, нет постоянства у снега,
И не видел синее взгляда.

Я открыл все окна смело.
Я подвластен ветрам и травам.
Знаю, если мечта в белом —
Значит, это зачем-то надо.

* * *

Сработал механизм часов,
И стрелки двинулись по кругу.
Врагу не объяснить и другу,
Что снялся времени засов.

Меняются оттенки света,
Уходит заточенья бред,
И светлая усталость эта
Тому, кто вышел, не во вред.

Осталось всё изжить до дна,
Заев холодной снежной кашей.
И даже если смерть бедна
Водою этой, с неба павшей.

Пройти не меньше, чем дано,
Гореть внутри, снаружи тлея.
Об этом ветер тихо веет..
Так было небом решено.

* * *

Моя кровь пахнет железом,
Нержавеющей сталью бродяг,
Потому я и есть в мире этом,
Где душевных полно передряг,
Потому я и есть, как кусочек
Нерушимой огромной скалы.
Я — исписанный верой листочек
На таком бездорожье в пути.
Где мелодия — там мой источник.
Там идут, здесь мне тоже идти.

* * *

Здесь воздух звенит, здесь стонут ветра и деревья.
И камень печальный наполнен любовью к звезде.
И пламя горит с ароматом. Дымятся поленья.
И тело не мерзнет, когда ты лежишь на земле.

Здесь теплые волны ласкают горелую сушу,
И кроется смысл в горячих углях и золе.
Могучая стать касанием трогает душу,
И можно гадать по растекшейся хвойной смоле.

Зеркальная сталь запоем, её можно послушать,
Мелодией этой расскажет она о себе.
О том, как была она камнем, лежащем на суше,
И стала свободной, мечтая о яркой звезде.

Как камень железный внимал благородству и слушал
Молчанье звезды и мерцал на кузнечном столе,
Как чистые сердцем сделали камень послушным,
Распяли крестом и носили его на себе.

Так камень стал сталью зеркальной,
Я звон этот слушал,
Внимая его благородству, и таял в огне.
А пламя горело всё ярче, и капала в душу
Смола. И я молча лежал на горелой земле.

* * *

Я здесь останусь в сумерках пустынь —
Меня отсюда выгнать не удастся.
Убитый ветер, страх из сердца вынь,
Не дай с долиной пасмурной расстаться.

Я здесь останусь, радуясь тебе,
Пьянея от готовности привыкнуть
К твоей, едва ли видимой звезде,
Так веруя в пустыню, чтобы крикнуть,

О том, что в ней рождается мечта,
О том, что здесь цветы морозостойки,
О том, что даль без края шепчет: «Да!..»
И ты срываешься с обледенелой койки.

Серою метелью

Посвящается моей любимой жене Татьяне

Серою метелью пронеслась по сердцу
Звонкая свирель, замерла душа.
Вещая десница тонкой вереницей
Закружила мысли, выбрала меня.

Ты пойдешь со мной там, где тени — страхи.
Будет одинока вечная душа.
А когда вернешься, слез твоих не будет,
Слез твоих не будет — буду плакать я.

Анатолий Шоричев

Родился в д. Биколово Молоковского района в семье сельского учителя и крестьянки. После окончания Калязинского машиностроительного техникума — служба в армии. После службы приехал в Бежецк, где и работал на заводе «Бежецк-сельмаш» с 1958 по 1993 год. Затем работа на заводе БОЭЗ. Стихи пишет с юности. Публиковался во многих средствах массовой информации. Выпустил семь собственных сборников стихов.

* * *

И как бы жизнь
В своей суровой сложности
Ни пыталось время теревить,
Надежды убивая и возможности,
Я не могу поэзией не жить:
Она во мне звучит чистейшей музыкой,
Как ручеек среди живых корней,
Не потому ль и называют музою
Волшебницу и мыслей, и страстей!
Из всех искусств — любимое искусство,
Счастлив я — могу ему служить.
В нем красота и помыслов, и чувства
Составляет зеркало души,
В котором и находят отраженье
Сиянье звезд и музыка земли.
Они-то нам и дарят вдохновенье
И вечную гармонию любви.

Совесьть

Когда задавит ком сомнений
И голова от дум трещит,
Ты правоту своих решений
В глубинах совести ищи.
И если вызревшая совесьть,
Она укажет верный путь
И уж, конечно, не позволит
Куда-то в сторону свернуть.
Она — учитель и инспектор,
Она — судья и прокурор,

Она — надежный жизни вектор,
С ней бесполезен всякий спор.

Иди туда, куда направит,
Делай то, что повелит,
Она по правде жить заставит —
Тогда и счастьем наградит.

На старте лета

Слетают с яблонь лепестки,
Обнажая трепетную завязь,
Летят они, как бабочки, легки,
Тем же бабочкам на зависть.

Завязь станет набираться сил —
Созреет плод, блеснет румяным боком.
Сорвешь — отведаешь, вкусив
Всю прелесть солнечного сока.

Иду по саду — мысль несу:
Пусть лепестки дружной слетают.
Теряют яблони красу,
Взамен значимость обретают.

Мысль

Она, как импульс,
Коротка,
Сверкнет — погаснет,
Как стихотворная строка
Незрелой басни,
И улетит в небытие
И там заблудится,
Как будто б не было ее,
И всё забудется.
Но всё ж работает
Сполна
И мозга клетка,
И рождается она —
Другая детка.
И вновь, как импульс,
Коротка,

Но ярче светит,
Такую мысль наверняка
Весь мозг заметит.
И станет яростно над ней
В раздумьях биться,
Пока десятками идей
Не озарится.
Взрывает воздух в этот миг
Не боль — истерика,
А счастье — Архимеда крик —
«Эврика!»
А там...
Фантазий яркий взлет
И дел живая суть.
И вот уж режет звездолет
Собою Млечный Путь.

Балалайка

Когда деревни были покрупнее —
Этот факт давно минувших дней, —
Жили пусть бедней, но веселее
В тихой светлой радости своей.

Соберутся, было, на лужайке
Парни и девчата в полукруг
И под звуки звонкой балалайки
Весело проводят свой досуг.

Паренек, еще довольно юный,
Лихо так по струнам пальцем бьет,
И поют натянутые струны —
Вторя им, вся улица поет.

А ты играй, родная балалайка,
Ритмом звуков душу береги,
Музыкой округу наливай-ка,
Вдохновенье людям подари!

Ты и сегодня, времени в угоду,
В оркестрах струнных свой имеешь вес.
Трехструнная любимица народа —
К тебе наш не угаснет интерес.

* * *

Как в жизни надо поступить?
По долгу
Или по желанию?
Следует сознание спросить
С его житейским пониманием.
Спросите — появятся тогда
На верный выбор основания,
И вы поймете без труда —
Что выше,
Долг или желанья.

Что случилось с природой?

Наводнения,
Ураганы
Бушуют то там, то тут,
Огнедышащие вулканы
Землю трясут.
Цунами несутся к суше —
Берег убить,
Смерчи
Всё встречное рушат,
Пытаясь в себя вкрутить.
Природа!
Скажи нам всё же,
Что случилось с тобой:
Ты стала суровой
И строже,
Ты стала жестокой
И злой.
Скажи,
За какую порочность,
Какие грехи
Нас испытываешь
На прочность
Разгулом своих стихий?..

* * *

Пчела садится на цветок
И соберет нектар,
Затем в свой домик принесет
Природы сладкий дар,

Где он преобразится в мед
Пчелиным ремеслом,
Чтоб мы его спокойно в рот
Отправили потом,
Совсем не думая о том
Навеселе,
Какой заботой и трудом
Достался он пчеле.

* * *

Глаза в глаза
Стояли мы —
Сердца сжигали
И умы —
И до предела поняли,
Что друг у друга
Отняли,
Но, так и не сумев понять,
Что не смогли
Друг другу дать,
И потому порвали
Связующую нить,
Но всё же тайно стали
Концы ее хранить.

* * *

Гвоздь вопроса вечности, и века,
И жизни всей —
Как оставаться Человеком,
Среди людей?

* * *

От лжи частенько не уйдешь,
Но есть у жизни правило такое —
Какой бы тенью ни предстала ложь,
Она всей правды не закроет.

* * *

Наверное, не всякий знает,
Кто защищать Добро готов —
Добро, бывает, погибает,
Когда оно без кулаков.

Содержание

Абдулов Владимир Фаритович.	5
Беляев Артем Владимирович.	11
Говорова Галина Павловна.	15
Горислова Надежда Юрьевна.	21
Гусева Светлана Николаевна.	27
Добросёлова Варвара.	33
Ершов Геннадий Иванович.	39
Иванов Андрей Анатольевич.	45
Киселева Ольга Вячеславовна.	51
Коган Александр Леонидович.	57
Колесниченко Валентина Васильевна.	63
Кукушкина Галина Анатольевна.	69
Логунов Александр Владимирович.	75
Мельников Иван Александрович.	81
Николаев Алексей Иванович.	87
Орлова (Чубарь) Светлана Юрьевна.	93
Орлова Татьяна Юрьевна.	96
Преображенский Валентин Иванович.	100
Рудаева Елена Николаевна.	106
Сазонов Юрий Владимирович.	111
Семенова Любовь Борисовна.	117
Соколов Александр Николаевич.	122
Сумелиди Алексей Леонидович.	128
Тихолаз Александр Витальевич.	134
Шоричев Анатолий Алексеевич.	138

Историко-краеведческий альманах
"Бежецкий край"
Выпуск №7

Учредитель и редактор
Владимир Козырев
Компьютерный набор и верстка
В.В. Козырев
Редакция альманаха
Г.А. Кукушкина, А.Л. Сумелиди,
В.И. Преображенский, Е.В. Кукина

Издательство «Ванчакова линия»
Редактор Е.И. Ступкин
Компьютерный набор и верстка
И.Р. Франэк
Корректор Ф.Е. Мочалова

Адрес:
171163, Тверская обл, г. Вышний Волочёк
Ванчакова линия, 17.
Тел. (48 233) 6 11 62
E-mail: wikavol@mail.ru

Усл. печ. листов 9,25. Печать офсетная. Заказ № 00
Тираж 300 экз.

Отпечатано в ОАО «Тверская областная типография»
170100, г. Тверь, Студенческий пер., 28.

